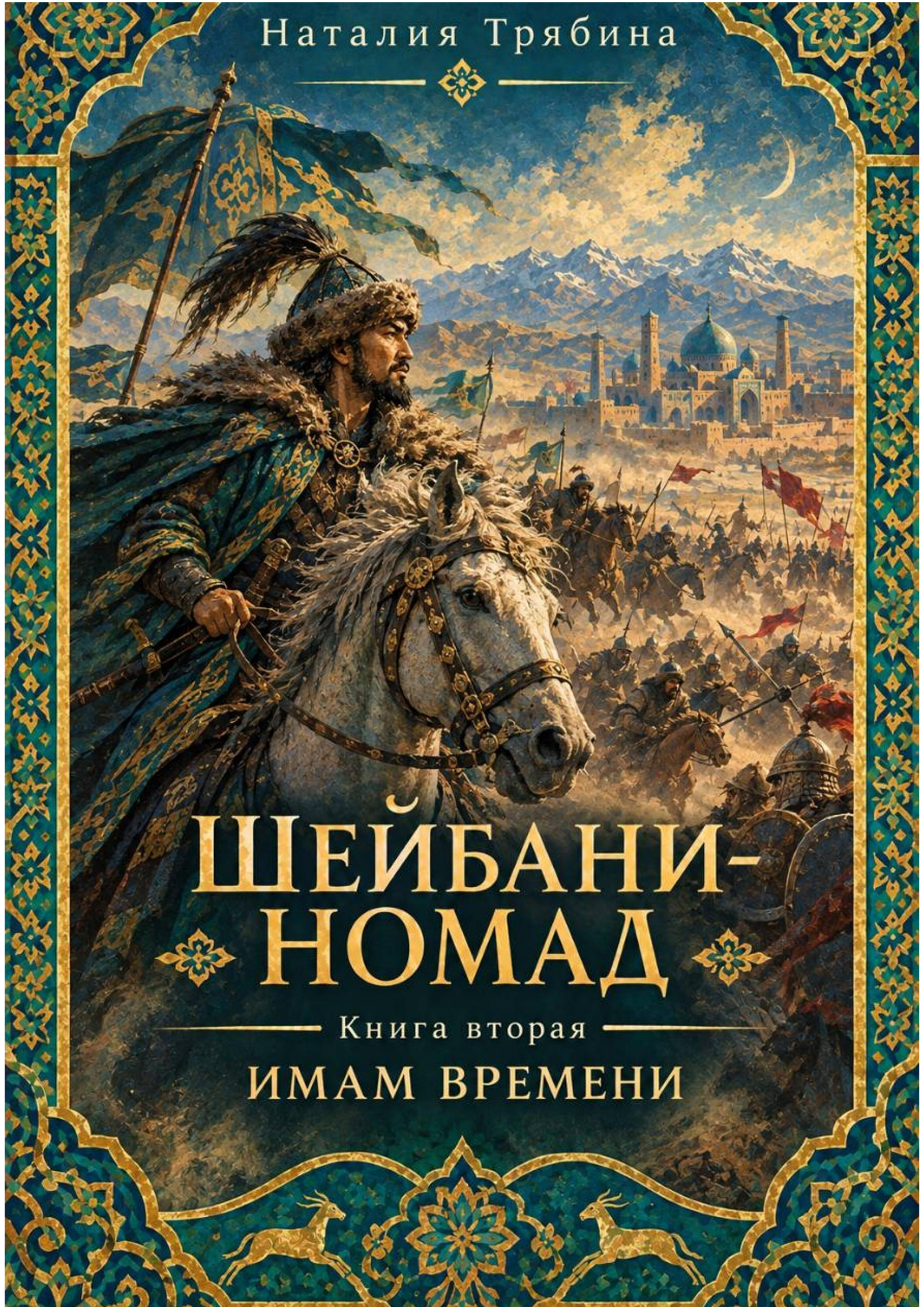

Наталия Трябина

The illustration depicts a bearded man in a fur-trimmed blue and gold robe, riding a white horse. He holds a large blue and gold banner. In the background, a vast army of soldiers on horseback, carrying red flags, advances across a dusty plain. In the distance, a city with domes and minarets is nestled at the foot of snow-capped mountains under a blue sky with a crescent moon.

ШЕЙБАНИ- НОМАД

Книга вторая
ИМАМ ВРЕМЕНИ

Наталия Трябина

**Шейбани-номад. Книга
вторая. Имам времени**

«Автор»

2026

Трябина Н. Н.

Шейбани-номад. Книга вторая. Имам времени / Н. Н. Трябина —
«Автор», 2026

Исторический роман Наталии Трябиной «Шейбани-номад. Имам времени» продолжает хронику судьбы Мухаммеда Шейбани-хана — потомка Абулхайр-хана, полководца и основателя государства узбекских Шейбанидов. После гибели отца и долгих скитаний по Великой степи Шахи-Бехт собирает разрозненные племена, учится управлять не только саблей, но и монетой, ремесленниками и караванами. Он завоёвывает Сыгнак, Самарканд, Бухару, Герат и Хорасан, чеканит собственные деньги, провозглашает себя «имамом времени» и пытается превратить кочевую орду в оседлую державу. Рядом с ним — верные кукельдаши, жены, сыновья и племянники, а против — казахские султаны, тимуриды и амбициозный шах Исмаил Сефев. Роман сочетает батальные сцены, дворцовые интриги, быт кочевников и оседлых городов, семейные драмы и размышления о власти, вере и цене победы. Это история человека, который из гонимого султана стал правителем огромной империи — и заплатил за это собственной головой.

© Трябина Н. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Приближённые и окружение Шейбанидов и Мухаммеда Шейбанихана	5
Пролог	14
Глава первая	16
Глава вторая	25
Глава третья	32
Глава четвёртая	42
Глава пятая	50
Глава шестая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Наталия Трябина

Шейбани-номад. Книга вторая. Имам времени

Приближённые и окружение Шейбанидов и Мухаммеда Шейбанихана

*Я не стал бы ничего предпринимать ради мести. Наш народ
слишком велик, чтобы мстить. Но ради уверенности в будущем я готов
сделать что угодно.
Джеймс Абрам Гарфилд*

Летописцы и биографы Шейбанихана

Кемал ад-дин Али Мухаммед ал-Харави, или Камаль ад-Дин Бинои, (1453—1512), служил при тимуридах, потом явился к Шейбанихану. Автор «*Шейбани-наме*», описание доходит до 1505 года.

Фазлаллах ибн Рузбихан по прозвищу **Хаджа Маулана Исфাহани**, автор «*Записок бухарского гостя*». (1457 – после 1530) — персидский богослов и путешественник, историко-граф.

Махмуд бен Вали. (? – умер в середине XVII века) автор «*Бахр-ал-Асрар*»

Мухаммед Юсуфа-Мунши, (17 век) — историк-ученый из Балха автор «*Тарихи Муким-хани*»

Масуд бен Османи Кухистани (XVI век) — придворный историк Суюнчходжа-хана и Абд ал-Латиф-хана в период правления Шибанидов в Бухарском ханстве.

Молла Шади, умер в начале XVI в. Среднеазиатский хронист, придворный историк Мухаммада Шейбани-хана, автор сочинения «*Книга победы*» или «*Фатх-наме*».

Мухаммад Салах. (1455–1535) — староузбекский поэт, чиновник и историк государства Шейбанидов. С 1499 служил при дворе Мухаммеда Шейбани. Имел титул «царя поэтов» и высокие придворные должности Автор «*Шейбани-наме*».

Мухаммад Хайдар Дулати (1499 –1551) автор «*Тарих-и Рашиди*»

Захириддин Бабур — (14 февраля 1483 – 26 декабря 1530). «Бабур-наме»

Династия узбекских Шейбанидов и их приближённые

Абулхайр-хан (1412 – 1468). Основатель государства кочевых узбеков в Даштикипчаке. Дед Мухаммеда Шейбанихана

Рабия Султан-беки (около 1435 – 1485 год) — дочь Улугбека, выданная замуж за Абулхайр-хана. Его четвёртая жена. Похоронена в городе Туркестане

Сыновья Абулхайрхана от разных жён и наложниц:

Бурудж-оглан — старший сын Абулхайрхана. Существование этого сына, по мнению многих историков спорно, но такой человек жил и был убит Юнус-ханом.

Шейх-Хайдар — (1430-1469) мать из племени кунград, сыновья Бобай, Араб

Биржан-беки — старшая жена Шейх Хайдара.

Ходжа Мухаммед султан — мать Баркут-султан

Ахмед султан, — мать из племени мангыт.

Мухаммед султан — мать из племени мангыт.

Санджар султан, — мать из племени кунграт.

Ибрагим султан — мать из племени кунграт

Ак бурун султан — родился от наложницы.

Сайид Баба султан — родился от наложницы.

Кучкунджи-хан (1452 – 1530). Сын Абулхайрхана от Рабии Султан-бекима. Второй узбекский правитель из династии Шейбанидов в Бухарском ханстве. Правил с 1510 года. Имел троих сыновей:

Музаффар уд-Дин Абу Саид-хан (1472 – 1533)

Абдулла I (1480 – 1540)

Абдуллатиф (1495 – 1551)

Абду Наср Камал Ад-дин Севинч-бек (1456 – 1525). Второй сын Абулхайрхана от Рабии-султан-бекима. Правитель Ташкента с 1501 по 1510 год. У Суюнчходжа-хана было два сына:

Кельди-Мухаммед хан (1480 – 1532)

Науруз Ахмед-хан (1510—1556)

Ходжа Мухаммед, (1459 – 14) сын Абулхайр-хана от Рабии Султан бекима. Имел сына Джанибек-султана (1480 – 1529 г.) Его внук — Абдуллахан II. Главный герой романа Наталии Трябиной «Первый узбек».

Джанибек-султан (1480 – умер в 1529 г.), двоюродный брат Шайбани-хана, участник его военных походов.

Жана:

Кутлук-ханум, дочь Махмуд-хана, двоюродная сестра Захириддина Бабура.

Рукайя Султан бекима, сестра Захириддина Бабура

Шах-Будаг-султана, (1429 – 1458) старший сын Абулхайр-хана. Мать Буркут-султан.

Ак-Кози-бийим (Аккозы) из рода Алтан-хана, жена Шах-Будуг султана, мать Шейбани-султана и Махмуд-султана.

Мухаммед Шейбани, (1451 – 2 декабря 1510) по прозвищу Шахи-Бехт, Шейбанихан, старший сын Шах-Будаг-султана.

Его жёны

Михр Куаныш Ханум — дочь Бурундук-хана в 1495 году.

Махр Нигар Ханум, дочь моголистанского правителя Юнус-хана.

Дочь Худай-Берди-мирзы, сына Аббас-бека, развёлся с ней.

Дочь Хаванзаде, термезского Сейида

Айша-Султан-ханум, двоюродная сестра Бабура и его бывшая жена, дочь Ахмада Мирзы, была известна как Могол-ханум

Ханзаде Бегим, (1478 – 1545) дочь Умаршейха, отца Захириддина Бабура. Умаршейха. Брак в 1501 году.

Дамира, наложница, (1458 –?) мать Мухаммеда-Тимура, старшего сына и наследник Мухаммеда Шейбана

Его дети:

Мухаммед-Тимур (XV век. 1475 – 17 марта 1514 г.). Его мать наложница Дамира. Умер в области Хутталан. Тело его отвезли в Самарканд и похоронили в медресе Шейбани-хана.

женат на *Михр Султан Ханум*, дочери казахского хана Бурундука в 1495 году,

женился в 1500 году на *Султанум Бегум*, дочери султана Ахмеда Мирзы и Катак Бегума,

женился третьим браком в 1503 году на Даулат Султан Ханум, дочери Юнус Хана и Шах Бегум.

женится четвертым браком в 1507 году на *Рукайе Аге*, бывшей жене Бади аль-Замана Мирзы, сыне Хусейна Байкары.

Сын Абдуллах (1501 – ?) У него был сын по имени *Мухаммад-Амин*

Сын Пулад-султан (1495 – 1529) от *Михр Султан Ханум*. У него был сын, прозванный Кукбури-султан.

Хуррам, родился от Ханзаде Бегим, дочери Умаршейха.

Абд ал-Шах-султан — от дочери Юнус-хана

Мухаммад Рахим Султан – от Айше Султан Ханум

Махмуд-султан (1455 – 1505) багатур, младший брат Мухаммеда Шейбанихана.

Его жёны:

Дочь Али-мирзы, сына Аббас-бека, сына Ваккаса из ногайцев.

Хаббит-бекич, дочь тежелесского бека, мать Убайдуллы-султана. С ней султан развёлся.

Дочь Али-суфи

Дочь Муртаза-ходжи. Умерла.

Дочь Иумнак-мирзы, сына Идику-бека. Племянница Махмуд-султана. Из ногайской орды.

Дочь Шейх Ибрахим-султана, племянница Махмуд-султана

Дочь Кул-Сайид-мирзы, развёлся.

Михр Нурия Ханум — дочь Бурундук-хана

Его дети:

Убайдулла-султан — (1487 год, Хорезм – 1540 год, Бухара) — пятый представитель узбекской династии Шейбанидов, который в 1533—1540 годах правил в Бухарском ханстве и являлся удельным правителем Бухарского вилайета

Кутлык Султан-ханым — жена, дочь Музаффара Хусейна, родила наследника *Абдулазиза* (1513– 1550)

*Ойсулу*в жена

Ахмад-султан, сын, умер в младенчестве.

Мухаммед Рахим-султан, сын

Бай-Шейх-кукельдаш, уйгур, первый воспитатель Шейбанихана.

Карачин-бек, сменил Бай-Шейх-кукельдаша в деле воспитания и защиты Шейбанихана и его брата. Его сын *Канбар-бий* молочный брат Шахи-Бехта

Бахтияр-султан, двоюродный брат Абулхайрхана, сподвижник Абулхайр-хана.

Махди, (1448 – ?), сын Бахтияр-султана.

Алейке-султан, (1451 – 1473), сын Бахтияр-султана, друг и сподвижник Шейбанихана. Убит сыном Джанибек-хана Иринчжи-султаном.

Хамзе-султан, (? – 1511) брат Алейке-султана. Служил Хусейну Байкаре, затем Бабуру, а в 1500 году перешел на сторону Шайбани-хана Военачальник Шейбанихана для нападения на улус Джаниш-султана, пятого сына Джанибек-хана.

Абд ал-Латиф султан, его сын. Женат на Ядгар Султан бекич, сестре Бабура.

Кобланды-батыр, один из самых известных военачальников Абулхайрхана из рода кара-кипчаков.

*Первая жена Кортка Сл*у — ханская дочь.

Карлыге, вторая жена, убившая ради Кобланды-батыра отца и брата

Даирходжа-бий, прозванный Акжолом, из рода аргын.

Абдуразак Нахичевани — личный врач Абулхайрхана.

Мухаммед-Мазид-тархан, из потомков Кышлыка эмир. Хаким Туркестана.

Абдал-Али-тархан, эмир. Хаким Бухары.

Ядгар-багатур — даруга *Шейбани Мухаммеда* из племени икчи.

Ахмад-бек кушчи.

Алибек-ата — секретарь *Мухаммеда Шейбани*. В первоначальных скитаниях составил его жизнеописание.

Гасава-Саклаб, жена Урус-бия славянская полонянка, первоначально наложница *Шах-Будаг-султана*, впоследствии домоправительница *Мухаммеда Шейбана*.

Анвар, десятник, впоследствии сотник нукер *Мухаммеда-Шейбани*.

Умид, (1458 – 1508), племянник жены Ядгара-багатура. Впоследствии аталык султана Мухаммеда Тимура, сына Мухаммеда Шейбана. Получил новое имя — **Хуш-Амад-аталык**, то есть «Добрый день»

Равшан-бий, сын *Умида*, (1482 – 1541), аталык Пулад-султана.

Суннат-бобо — конюх Карачин-бека.

Сподвижники, военные соратники и лидеры узбекских племён.

Канбар-бий, сын *Карачин-бека*, кукельдаш *Шейбанихана*, предводитель найманов.

Якуб-бек — острослов, доблестный воин, лидер племени кушчи, младший брат *Карачин-бека*.

Ахир аз-Заман-бек — сын *Якуб-бека*, сподвижник *Шейбани-хана*.

Хаджжи-Гази, — лидер мангытов и адгу уругу, участники сражения за Самарканд в 1501 году.

Хусейн Али — глава конгратов.

Джан Вефа-бий — одним из самых почитаемых беков среди приближенных хана. Предводитель дурманов, потомок Каджу Мергена. После захвата Самарканда назначен даругой.

Шейх-Мазид-бахадур из племени маджар, хаким Сыгнака.

Абукоч, Джалбаш, Баубек — предводители племени икчи.

Урус-бий — бывший раб, впоследствии сподвижник,

Алмеджук — пехлеван-единоборец.

Байан-Кара-оглан, сын Мухаммад Суфи-оглана

Шамун-Сеид, сын Кара-Сеида

Сеид Насир-ходжа, потомок Саййид-Ата, участник осады крепости Болдум-Саз

Али-Мардан-бахадур из омака уйшун.

Кул-Дарвиш-бахадур, предводитель уйгуров, сторонник *Шейбани-хана* и участник многих сражений.

Мамаш-бахадур из омака татар. Сподвижник. Хорошо рубился на саблях.

Ходжа Камал-ад-Дин Махмуд Сагерчи — визирь *Шейбани-хана*, предатель.

Наставники Мухаммеда Шейбани в Бухаре.

Мавлана Мухаммад Хитайи

Джамал ад-дин Азизон

Шейх Худайдод Вали.

Шейх Мансур «Гляжу я на тебя, узбек...»

Правители Ногайской орды и их родственники

Едигей — 1352—1419) — темник Золотой Орды в конце XIV – начале XV веков. Основатель Мангытского юрта и династии, возглавившей Ногайскую Орду. У Едигея было больше двадцати сыновей.

Мансур — (? –1427)

Нураддин — (? – 1440), сын Едигея

Гази-бий — (? – 1428), сын Едигея

Наурус — сын Едигея.

Кей-Кавад — сын Едигея.

Султан-Махмуд — сын Едигея.

Мубарак — сын Едигея.

Куджап (Хаджи-Ахмед) — внук Едигея, сын Гази-бия.

Ваккас (Оказ, Указ) — сын Нураддина, внук Едигея (? - 1447г.), беклербек Абулхайр-хана.

Аббас — его брат.

Муса — сын Ваккаса (1419 – 1502 г.). Одна из жён — внучка хана Золотой орды Ахмата.

Ямгурчий-мирза — брат Мусы

Хорезми — брат Мусы.

Шагим — старший сын Мусы от первой жены.

Шейх-Мамай — сын Мусы.

Юсуф — сын Мусы.

Алгачир — сын Мусы, его мать Хозияк-Султана, женат на дочери крымского хана Менгли-Гирея Алагунте

Исмаил — сын Мусы

У мирзы Мусы было пять жён и двадцать сыновей.

Правители Великой степи, их родичи и приближённые.

Гирей-хан (142?–147?) — старший хан казахов в середине XV века.

Бурундук-хан, (1436 – 1511) его старший сын — первый казахский владетель, противник Шейбанихана. Но в 1494 году породнился с Шейбанидами. Одна его дочь вышла замуж за самого Шейбани-хана, вторая за родного брата Шейбани-хана Махмуд султана, а третья за его сына Мухаммед Тимур-султана. Сыновья Бурундук-хана **Шайхим, Санджар-Джахан и Джахан-Бахти**, ни один из них не правил.

Ходжа-Мухаммад — (1450 – ?) второй сын Гирея.

Султан-Али — (1454 – ?) третий сын Гирея.

Джанибек-хан, (1428 г – 1480) «Кичи Джанибек-хан», родственник и сподвижник Гирей-хана..

Иринчжи-султан, (1449 –) старший сын Джанибек-хана

Махмуд-султана, (1453 – 1476) второй сын Джанибек-хана.

Касим-хан — третий сын Джанибек-хана. (1455 гг.– 1518 год). Его мать Джаган-бегим, родная сестра Ак-Кози, матери Махмуд-султана. На рубеже XV–XVI веков Касим был реальным вождем казахов. Дети:

сыновья:

Абулхайр-султан (1475 – 1511) Мать – Ханык Султан Ханым

Мамаш-хан, (1480 – 1523)

Хак-Назар-хан, (1509 – 1580)

дочери:

Кутлук Султан-Ханум, выдана замуж за Убайдулла-хана, сына Махмуд-султана.

Булдур Ханым

Адик (1457 – после 1503) — четвёртый сын Джанибека, активный участник походов Бурундук-хана против Шибанидов. Его дети:

Тахир-хан, (1486 — 1533) его сын, правитель казахского ханства в (1523 – 1533)

Буйдаш-хан (? – 1560) сын

Абу-л-Касим сын

Бауш-хан сын

Кожаш сын

Джаниш (Жаныш) (1453 – после 1513) — пятый сын Джанибека, участник борьбы с шейбанидами

Канбар — шестой сын Джанибек-хана. Был единоутробным братом Касима

Таниш (Тыныш, Тиниш, Биниш) (1453 – после 1513) — седьмой сын Джанибека, известен тем, что потерпел крупное поражение от войск Мухаммеда Шейбани.

Джадик (XV в. – 1520 гг.) — казахский султан. Девятый сын хана Жанибека. Его жёны:

Дадым-ханым, дочь Бурундук-хана.

Абайкан-бегим, родила сына Шигая (1500–1582)

Уч-Тэмур-тайши — ойратский тайши (1455 – 1478). Сын и наследник Эсэн-тайши (1439 — 1454). В 1458-1460 годах воевал с Абулхайрханом и побеждал его..

Бек-Ата-бахадур из йигитов Туркестана, происходящий из уруга Салор-Казана

Аба-Бакр-бахадур, его старший брат.

Чакмак-июзбаши из Сыгнака.

Правители Моголистана

Васихан (Султан-Увайс-хан) — титул правителя Моголистана с 1418 по 1421 год.

Эсен Буга-хан, младший сын Васихана, (1417–1462), правитель Моголистана с 1429 по 1462 годы.

Юнус-хан или **Йунус-хан** (1415–1487), династия Тоглук-Тимуридов. Хан Моголистана 1468–1487 гг.

Его дети:

Султан-Махмуд-хан — сын, (1463–1508). Прозвище «Ханике-хан» — «старший». Его мать Шах-бекич Бадахши. Убит в Ходженте вместе со своими сыновьями по приказу Шейбанихана

Султан-Мухаммад, (1483 – 1508) его сын. Кроме него у Султан Махмуд-хана было четверо сыновей. Все пятеро погибли в 1508 году.

Султан Масуд Мирза, сын, женат на дочери Ахмад Мирзы Рабия Султан Бегум,

Джамбул — аталык султан Махмуд-хана в период его правления в ташкентском вилайете.

Султан-Ахмад-хан — сын Юнус-хана, (1465–1504), умер от паралича. Прозвище «Алача-хан» — «пёстрый». «Алача-Убийца». Правитель Центрального и Восточного Моголистана с 1485 по 1504 год. С 1485 по 1495 год воевал с ойратами и шейбанидами за власть в Моголистане.

Мансур-хан, (1484—1544) старший сын Султан-Ахмад-хана

Махим-ханым — вторая дочь Султан-Ахмад-хана, жена *Буйдаш-хана*, сына казахского правителя Адик-султана.

Мехр Нигар-ханым — дочь Юнус-хана, выдана замуж за Мухаммеда Шейбанихана.

Султан-Нигар-ханым — дочь Юнус-хана, выдана замуж за Султан Махмуда мирзу (1453-1495), третьего сына тимурида Абу Сеида.

Хуб Нигар-ханым — дочь Юнус-хана, выдана замуж за Мухаммад Хуссаян гурагани.

Кутлук Нигор-ханым — дочь Юнус-хана, выдана замуж за тимурида Омар Шейха, или Умаршейха, написание и произношение не унифицировано, мать Захиридина Бабура.

Сеид Али, дуглатский эмир

Эмир Бедельбай — один из приближённых Махмуд-хана

Есаул Дандай — есаул Махмуд-хана.

Ахмад-бек — хаким Ташкента при моголистанском Махмуд-хане.

Правители Сибирского ханства

Хаджи-Мухаммед Шибанид (? – 1423) дед Ибак хана.

Махмудек Шибанид, его старший сын и отец Ибак-хана

Ибак-хан, сын Махмудека, правил 1468–1495

Ханзада, дочь Ибак-хана. Выдана замуж за Мусу-бия, ногайского беклербека

Мамук-хан, брат Ибак-хана правил 1496–1502

Агалак, хан Сибири. 1502–1530

Джилбек, брат Ибак-хана. Погиб в стычке с Мухаммедом Шейбани под Хаджи-Тарханом.

Сайдек, сын Ибак-хана. Погиб.

Тулук, сын Ибак-хана.

Правители Большой орды и Хаджи-Тархана

Ахмат-хан, сын Кучук Мухаммеда из рода Тукайтимуrow. Правитель Золотой Орды с 1460 совместно с братом Махмудом, с 1471 года до 6 января 1481 года самостоятельно. Женат на сестре Мусы-бия.

Махмуд-хан, сын Кучук Мухаммеда из рода Тукайтимуrow. Правитель Золотой Орды с 1460 - 1471 года совместно с Ахмат-ханом, его старший брат.

Касым-бен-Махмуд-хан, сын Махмуд-хана, Правитель Хаджи-Тархана. (Астрахани)

Тимур-бек, один из эмиrow Касым-хана, отвечал за жизнь Шейбани-султана и его брата Махмуд-султана в Астрахани.

Тимуриды Мавераннахра и Хорасана.

Абу Саид Мирза (1424 – 1469). У Саида Мирзы было тридцать девять жён и шестьдесят детей. Среди них:

Султан Ахмад Мирза (1451 – 1468 – 1494). Старший сын Абу Саиды Мирзы. Правитель Мавераннахра. *Мать Малик-Султан беким*. Сыновья умирали в младенчестве. Две дочери, *Айша Бегим* и *Масума Султан Бегим* были жёнами Захириддина Бабура

Михр Нигяр Ханум была первой женой султана Ахмеда Мирзы, она была старшей дочерью Юнус-хана и Айсан Даулат Бегум. Историки утверждают, что он был одним из богатейших людей Центральной Азии.

Султан Махмуд Мирза (1453 – январь 1495). Второй сын Абу Саида Мирзы. Мать Малик-Султан беким. Правитель Мавераннахра после смерти Султана Ахмад Мирзы. Десять детей.

Байсункар мирза (1477—1499), сын Султан Махмуд Мирза, правил Мавераннахром после отца. Байсункар мирза погиб 17 августа 1499 года от рук Хусрау-шаха в Гиссаре

Султан Али мирза, (1479 – 1500) сын Махмуда Мирзы, правитель Карши. Недолгое время правитель Самарканда. Был убит сыном Тимуром, сыном Шейбанихана.

Зухра Бики Ага — его мать.

Умар Шайх Мирза II (1456 – 1494 гг.) — правитель Ферганской долины. Четвёртый сын Абу Саида Мирзы, отец Захириддина Бабура.

Захириддин Бабур — (14 февраля 1483 – 26 декабря 1530), отец — эмир Ферганы Умар-Шейха-мирзы II, мать — Кутлуг-Нигар-ханым (1459–1505) дочь моголистанского правителя Юнус-хана. Больше двадцати детей. Его наследник Хумаюн.

Джахангир-мирза (1485—1507) — младший брат и соратник Бабура, основателя Империи Великих Моголов в Индии. Его мать Фатима-Султан, дочь могольского туманбека.

Насир-мирза (1487—1515) — младший брат Бабура, основателя Империи Великих Моголов, его мать Умида, наложница из Андижана.

Эсан Давлат-бегим — бабушка Захириддина Бабура, одна из жён Юнус-хана

Жёны Бабра:

Айша Султан Бегум — дочь Ахмада Мирзы и Катак Бегум (двоюродная сестра)

Масума Султан Бегум — дочь Ахмада Мирзы и Хабибы Султан Бегум. (двоюродная сестра)

Ибрахим Сару из племени Минг, военачальник Умар Шейха, предавший Бабура и перешедший на сторону Байсанкура, его двоюродного брата.

Сейид Касим ишпик-ага, наиб Захириддина Бабура

Ходжа-кази — покровитель и духовный наставник Захириддина Бабура

Али Дуст-тогай

Канбар Али-бек

Султан Ахмед Танбал, приближённый Захириддина Бабура. хаким Андижанской области, заявившей в 1501 году о своей самостоятельности от правителей Моголистана. В 1504 году казнён Шейбани-ханом.

Тильбе, его старший брат

Шейх Баязид — брат Танбала, Хаким Ахси.

Мухаммед Дуст Тагай, военачальник.

Абуль-Мекарим, влиятельный самаркандский учёный, сторонник Бабура

Гияс-ад-дин Мансур Мирза (1417-1445), отец Хусейна Байкары

Хусейн Байкара (1438, Герат, — 4 мая 1506, Баба-Илахи, близ Герата) правитель Герата с 1469 года. Было 13 сыновей, его наследник Бади-аз-Заман Мирза

Хадиджа Беги Ага, вдова Абу Саида и любимая жена Хусейна Байкары. Мать Муин уд-Даула ва-д-Дин Музаффар Хусайн Мирзо, второго наследника Байкары.

Бади-аз-Заман Мирза (1458 – 1511), сын Хусейна Байкары.

У Бади аз-Замана было двое сыновей:

Мухаммад Мумин Мирза – с Урун Султан Ханум; (**р. 1486 ум. 1497**)

Мухаммад Заман Мирза – с дочерью Тахамтан Бега, женат на Масуме Султан Бегум, дочери императора Бабура

Музаффар Хусейн Мирза (1473–1509) — шестой сын Хусейна Байкара

Абул Мухсин-Мирза(1474 – 1507), сын Хусейна Байкары

Ибн-Хусейн Мирзо(1479 – 1507)

Мухаммад Мухсим Хасан Мирзо(1476 – 1501)

Мухаммад Хусейн Мирзо (1476 – 1499)

Муин уд-Даула ва-д-Дин Музаффар Хусайн Мирзо(1475 – 1509). Правитель Герата совместно с братом Бади-аз-Заман Мирза после смерти отца.

Маджуд-дин-бек — визирь при Байкаре после отъезда Алишере Навои в Астрабад

Шах-Будаг туркмен, Зайнал-бахадур, Юсуф Суфи-бек, Мирза Ахмад-Али-Кары-бек — беки, мирзы и эмиры Хусейна Байкары

Алишер Навои (9 февраля 1441, Герат – 3 января 1501, там же) — тюркский поэт, суфий, государственный деятель тимуридского Хорасана.

Дервиш-Али — единственный родной младший брат Алишера Навои.

Абдалхалик-бек, хаким Ургенча

Пир Мухаммад Вали-бек — туманбеги Хусейна Байкары.

Насыр-ад-дин Убайдуллах ибн Махмуд Шаши, также известный как **Хаджа Ахрар** (1404—1489) — наставник *Ахмада Мирзы*

Хаджа Яхья — сын Хаджи Ахрара, фактический правитель Самарканда в конце XV века. Поддерживал в междоусобицах Султана Али-мирзу, племянника Ахмада Мирзы.

Абдулали-тархан, хаким Бухары

Ахмед Хаджи Бега — тесть *Ахмада Мирзы*

Насрулла-ходжи, имам

Отабек — опальный есаул

Бектемир-наиб — есаул

Алимардон-эмир — тысяцкий

Хуршид-тархан — хаким Самарканда

Тургун-бек — смотритель Кок-сарая

Амир-бек — десятник при Ахмаде Мирзе.

Пролог

Шёл 1513 год, или 919 год хиджры*¹. Второй день зимнего рамадана. В этот злобный день три года назад душа Мухаммеда Шейбанихана воспарила в небеса и пересекла порог садов Всевышнего. Его старший сын, Мухаммед-Тимур-султан, лишь на два дня опоздал с военной помощью, хотя гнал коней, не щадя их боков и своих ляжек. Но он смог только забрать с собой в Самарканд обезглавленное тело отца и дать страшную клятву — беспощадно отомстить извергам, надругавшимся над беззащитным телом убитого. Не только Исмаилу Сефеву, этому безродному левше, но и его наibaм* и нукерам*.

Обезглавленное тело похоронили в Самарканде, недалеко от медресе* Улугбека. Мухаммед-Тимур достроил медресе, которое начал возводить отец, но не успел. Многого он не успел. Хотя предупредил всех своих алчных родственников, что наследником и правителем всех завоеванных им территорий должен стать его старший сын. При жизни Мухаммеда Шейбанихана, его дядюшки скромно внимали ему и слушали, как старшего в семье. Но смерть всё расставила по-другому. Кучкунджихан, старший сын Рабии-султан и один из последних сыновей Абулхайрхана, сразу же после гибели Мухаммеда, объявил себя правителем.

Мухаммед-Тимур, удобно усевшись на подушки, подпирал голову руками и вспоминал не менее жуткие события, происшедшие осенью прошлого года. Аллах с ними, с дядюшками. Всё равно их власть строится не на их авторитете и силах, а на войсках султана Убайдуллы и его войсках. Ни одно соглашение, ни одна клятва, подкреплённая именем Всевышнего и ручательством самых знаменитых имамов, не соблюдались. И то обещание, что дал Исмаил Сефеву, после гибели Мухаммеда Шейбанихана, не переходить Джейхун, было нарушено самым гнусным образом. Орды кызылбашей под предводительством Наджми Сани, после трёхдневной осады, захватили Несеф и уничтожили почти всех жителей, сдавшихся на милость победителя.

Во время отвратительного и ужасающего погрома, учинённого победителями, погибло несколько сейидов* и светоч мысли, Камаль-ад-Дин Бинаи. Но победители радовались недолго. И предатель своего народа, тимурид, Захириддин Бабу, тигр из тигров и мерзавец из мерзавцев, получил своё. Да так, что сбежал после Гиждуванской битвы в сторону афганских племён. Хотя сбылись самые жуткие предчувствия Наджми Сани — он раненым попал в плен, испытал на своей гнилой шкуре все мыслимые и немыслимые страдания и унижения и был казнён на радость победителям. Так приказал Убайдулла-султан, предводитель войск шейбанидов. Ещё сотни и тысячи нукеров были взяты в плен и проданы в рабство. Хотя мусульман нельзя превращать в рабов, но если это презренный шиит, то такая продажа становится богоугодным делом. Это всякий знает. Можно сказать, что на этом закончилось противостояние Шейбанидов Мавераннахра и Сефевидов Ирана. Исмаил, после гибели своего любимого наiba, сопровождавшего его по жизни преданным щенком, потерял веру в себя и своё божественное предназначение.

Старший сын Мухаммеда Шейбана с тоской вспоминал прошедшие годы и понимал, что никогда не стать ему ханом Мавераннахра. Но не это навевало тоску на него, а то, что его единственный сын, Пулад, находится далеко от него, в Хорезме. Что он, с детских лет, несёт груз ответственности наместника за эту беспокойную часть страны. Сам Мухаммед-Тимур чувствовал себя стариком, давно готовым умереть. От раны или болезни. Вспоминая своё детство и окружение, он понимал, что и детства-то у него не было. Какое детство могло быть у сына Мухаммеда Шейбани, вечно гонимого и преследуемого любимого внука Абулхайрхана? Сам

¹ Смотреть глоссарий

отец редко разговаривал со своим сыном, поскольку почти не видел его и, уж конечно, не качал его на коленке и не рассказывал сказки на ночь.

Ещё не старый мужчина, с полностью седой головой, помнил о женщине, бывшей его матерью. Помнил множество вооружённых людей, которым многое было нужно от мальчонки — чтобы не плакал от боли, чтобы стрелял из лука, чтобы знал грамоту, чтобы сочинял газели, чтобы бился на саблях. Чтобы, чтобы, чтобы... Всего, что должен был уметь делать наследник, трудно было перечислить. Мухаммед-Тимур старался. Старался заслужить улыбку отца, хотя бы для того, чтобы его изуродованная щека не дёргалась от злости при взгляде на сына. Теперь он хотел, чтобы отец был рядом и дёргал щекой. Но воспоминания обезглавленного, обезображенного тела, ещё не старого мужчины словно кричало: «Не все ещё получили по заслугам. Ещё не все убитые отомщены!»

Глава первая

Махмуд-султан, второй сын Джанибек-хана и племянник Бурундук-хана двадцатитрех-летний джигит, во главе разношёрстного, разболтанного войска, двигался по территории Великой степи с Запада на Восток. Он страстно мечтал о воинской славе. Как не мечтать, если о его врагах, Мухаммеде и Махмуде, уже давно поют акыны по всей Великой степи, а его даже в родном эле* не все в лицо знают. Эти наглые выродки, потомки трижды проклятого Абулхайрхана, совсем обнаглели: они всё лето и часть осени не жили в Сыгнаке. А это городище по праву должно принадлежать им, родственникам и детям Гирея и Джанибека.

Молодой джигит, собрав всех, кто хотел в мгновение ока обогатиться, был уверен, что ему повезёт так же, как и его старшему брату, этому никчёмшу, Иринджи-султану. Сыновей у Джанибек-хана было много, и все они ненавидели друг друга. Здесь расстарались матери молодых султанов. Каждый стремился заслужить благосклонный взгляд отца и одобрительное слово. На похвалу никто из них не надеялся.

Все, кто присоединился к Махмуд-султану, были уверены в том, что не погибнут, а непременно разбогатеют! Это надо же, как Иринджи-султан три года назад, сам того не желая, наткнулся на караван, мирно ползущий по степи в благословенную Бухару от Сыгнака. И по счастливой случайности этот караван принадлежал Мухаммеду. Этот мерзкий выползок змеи ни с того, ни с сего начал называть себя Шибанидом. Да кто он такой, чтобы так себя называть?! Они все Шибаниды! Нет... Они чингизиды и каждый достоин именовать себя так, как захочет.

Луну назад в урочище Джанибека, на границе с Ногайской степью, из Сыгнака прискакал Чакмак-перебежчик. Что ему не понравилось у Шахи-Бехта, никто так и не понял. Но вот сбежал вполне сильный и даже молодой мужчина. Сбежал с жёнами, отарой и десятком близких и дальних родственников. У тех тоже были семьи, довольно большие, каждая не меньше десяти человек. Если считать детишек. Сам Чакмак так рассказал причины своего ухода из Сыгнака.

— Я правоверный мусульманин, законов не нарушаю. — Все сидящие за дастарханом в походной юрте Махмуд-султана дружно заулыбались. — Я не говорю о баранте, это наши обычаи. Тем более, что во время баранты мы никого не убиваем. Так, угоним отару-другую, девчонок с бабами повалеем. Все знают, что сегодня у тебя угнали отару, а завтра ты соберёшь джигитов и угонишь ещё более многочисленную отару.

Все пирующие одобрительно зашумели, Махмуд-султан, довольный тем, что из Сыгнака от Шахи-Бехта бегут джигиты, одобрительно похлопал его по плечам и милостиво разрешил:

— Брат, о чём ты говоришь, всё правильно! — все кивали своими головами так, что бараньи шапки тряслись, словно весенний снег на пригретых солнцем пологих склонах дальних гор.

— Но те порядки, что завела в Сыгнаке наложница этого, вроде бы султана, Дамира-праведница, никуда не годятся. Она даже приютила персов-еретиков. А этот Шахи-Бехт молчит! Мало того, что молчит, он её за это самоуправство даже за косы не оттаскал! — пока Чакмак жил в Сыгнаке, он трусил лишнее слово против Мухаммеда Шейбана сказать. Да что Мухаммед, он как огня боялся его наложницу, эту сухопарую щепку. А здесь, в кругу его врагов, унижал султана и называл того детским именем.

— Да мы слышали о том, что теперь торговать рабами нельзя. Но ты же не торговец. И никогда не торговал пленными мусульманами. — Это вступил в разговор Бек-Ата-бахадур из йигитов Ясы.

Именно Бек-Ата-бахадур, с его старшим братом, Аба-Бакр-бахадуром, покинув со своими людьми Ясы годом раньше, присоединились к Махмуд-султану. Братьям не нравилось, что многое в Ясы зависит от слова женщины. К величайшему сожалению батыров, Мазид-

тархан, хаким города, при принятии решений, с опаской оглядывается на неё. Ладно бы сыновья Рабии-султан верховодили в городе, а то один из них шляется неизвестно где, а второй из гарема и бани не вылезал. Никаких споров, ссор или того хуже, столкновений, между сыновьями Абулхайрхана и бахадурами не было, но недовольство зрело долгое время. Толчком для откочёвки в степь и присоединению к сыну Джанибека, Махмуд-султану, стала незначительная поначалу стычка между Суюнчи-султаном и Бек-Ата-бахадуром из-за единственной в городе турецкой бани.

В Ясы неприлично было ругать баню. Она принадлежала вдове правителя Великой степи. Если кто-то и не любил баню, то никогда об этом вслух не говорил. Почти все богатые или просто состоятельные люди, частенько посещали её. Ходили и платили за это деньги. Не много, несколько медных фельсов за простое омовение. А если омовение с массажем или какими-то другими услугами, то надо было заплатить значительно больше. Как и всякая хаммам, баня состояла из джемеяна*, пештемаля*, чебека*, харарета* и кейфа*.

В один из благословенных осенних дней, Бек-Ата-бахадур отправился в баню. С удовольствием помылся. Умелый массажист поработал над его спиной массивными плечами и крепкими ногами наездника. Он даже попил чая со сладостями, но в джемеяне его одежды не оказалось. Вместо неё на приметном крючке висели какие-то лохмотья. Старые, ветхие и грязные до невозможности штаны, расплзающаяся на глазах рубаха. А вместо вышитых кожаных сапог, на гладком кафельном полу, валялись стоптанные кавуши*. Бек-Ата-бахадур поднял шум.

Зазевавшийся служитель, понимая, что придётся возмещать знаменитому бахадuru стоимость похищенного, яростно защищался. Прижатый к стенке он верещал о том, что его одежду, видимо, одел тот мужчина, что пришёл вместе с ним в баню и пил с ним чай. Молодой джигит вспомнил, что рядом с ним крутился какой-то довольно худощавый и совсем не противный человек. Они вполне прилично беседовали, обсудили много разных вопросов. В основном говорили о женских прелестях. А кто в бане молчит? Люди приходят в баню не рот на запоре держать, а посплетничать и посудачить о чём угодно. Особо если собеседник много где бывал и кое-что повидал. Сухопарый путешественник был бахадuru не знаком, но показался довольно интересным собеседником, способным разговорить даже молчаливые скалы.

В городе жило несколько минганов* народу. Найти среди них вора было проще простого, это если предполагаемый похититель был из Ясы. А если это был кто-то из проходящего по торговым путям каравана, то тогда дорогой одежды вовек не отыскать. Чаше люди воровали то, что сличить невозможно. А одежда у всех была разная и сшитая разными мастерами. Что касается сапог, то вторых таких Бек-Ата-бахадур не видел. Потому что вышивала их его жена Гулжахан. А она никогда не вышивала один узор дважды. Рукодельница от Бога, родилась с иглой в одной руке и мотком цветных ниток в другой. Пришлось джигиту посылать банного мальчишку домой за новой одеждой. Несмотря на то, что бахадур не бедствовал, но потеря всей одежды была для него довольно ощутимым убытком.

Несчастный служитель с горем пополам расплатился с джигитом, а затем на всех базарах стал рассказывать о своих несчастьях. Бахадур не отставал и трезвонил везде, где только мог, что в бане Рабии-бекима работают воры и бездельники. Доверять им нельзя, иначе будете домой уходить голышом. Рот заткнуть никому было нельзя, так и разгорелась нешуточная ссора. Город разделился на две неравные части — одни сочувствовали бахадuru, другие держали руку правительницы Рабии-бегим. Все затаили дыхание в ожидании развязки спорного дела.

Спустя две-три луны после кражи, встретились Суюнчи-султан и Бек-Ата-бахадур возле базарной коновязи. Джигит не заметил султана и в сотысячный раз рассказывал, как его обокрали в бане. Суюнчи, стоявший до этого спиной к обворованному, повернулся к нему лицом и резко спросил:

— Неужели такому прославленному бахадуру пристало разносить сплетни и жаловаться на пропажу поношенной одежды, как бедному, несчастному побирушке с базара? — язвительно и довольно громко проговорил султан.

— В бане, что принадлежит твоей матери, многоуважаемой Рабие-султан, служат безмозглые смотрители. Это неприятно, но такие случаи — грязное пятно на вашей чести.

Слово за слово, джигиты схватились за камчи, хорошо, что не за сабли. Рядом с Суюнчи были нукеры, а Бек-Ата-бахадур на базар пришёл один, даже без брата. Пришлось ему несолоно хлебавши уйти с базара с опущенной головой. С тех пор в любом месте, где бы он ни оказался, тут же находился человек, который начинал громко и слезливо сочувствовать ему и предлагал какую-то мелочь, чтобы возместить убыток. Бек-Ата-бахадур понял, что теперь он на всю жизнь останется в Ясы человеком, которого обворовали в бане, и которому всенепременно следует оказать посильную помощь. Мало ли кого обворовали, но никто столько времени не ходил по базарам, не жаловался на людскую несправедливость и не позорил негласную правительницу Ясы. Проходу ему от «доброхотов» не стало. Братья решили покинуть насиженное место и отправиться в Сыгнак. Но туда должен был вернуться внук Рабии Мухамед Шейбани. Поэтому братья отправились в Великую степь, к Джанибеку.

Чакмак слышал историю о пропавшей одежде. В душе он посмеивался над незадачливым бахадуром. Но только до того времени, пока самому не пришлось улепётывать из Сыгнака. Его прегрешение было значительнее и если бы дошло до султана Мухаммеда Шейбана, то неизвестно, чем бы всё закончилось. Поэтому он честно ответил Бек-Ата-бахадuru из огузского племени:

— Эти две долгогривые приютили во дворце персов-еретиков. Все знают, что они ткнут ковры. Спору нет, ковры хороши. Хотя и женщины их не так уж плохи. Конечно, наши женщины из аргун и кунград намного лучше, но для развлечения пойдёт и еретичка. — За дастарханом все притихли. Разговоры об утехах и том, как кто-то смог развлечься на стороне, были для любого мужчины слаще степного мёда.

— Ты смог утащить в свой дом еретичку и там... — Махмуд-султан, имевший нескольких жён, был большим любителем женских прелестей. Во время баранты он частенько утаскивал с собой понравившуюся девушку, но чаще всего возвращал обратно. Они быстро ему надоедали. Старшая жена султана новеньких не принимала и издевалась над ними как могла.

— Ничего у меня не получилось. Я её даже с базара не мог увести. Только я решил перебросить девушку через седло, так она заорала, словно её режут на мелкие части. С ней были ещё две женщины. Они все визжали, как недорезанные свиньи! — более грязного оскорбления трудно было придумать. — Я же не убить её хотел. И не издеваться над ней собирался. Осчастливить своим вниманием. Я потом бы подарки подарил. Ну там колечко какое, или даже серьги. Медные... — за дастарханом все дружно захохотали, стали хлопать его по плечам, словно Чакмак рассказывал о великом воинском подвиге.

Медные, латунные и бронзовые украшения были самыми дешёвыми в степи. Даже ляганы, чаши и пиалы с чайниками делали из меди. Медные украшения носили самые убогие рабыни, Никто никогда не зарился на эти унылые, никчёмные и жалкие безделушки. Старший брат Бек-Ата-бахадур, Аба-Бакр-бахадур, не стал смеяться. Просто он вспомнил, что медные украшения могут защитить от злых духов. Решив, что слишком много внимания пришлому сыгнакцу, он сказал:

— У меня есть панцирь из меди. Старые воины считают, что медь помогает заживлять раны. Не знаю, тяжёлых ран я не получал, а мелких никогда не считал. Помочился на неё и здоров, как вол! — многие из сидящих джигитов слышали про это. И про то, что медные вещи отгоняют нечистую силу. — Но Расскажи, что было дальше?

— Дальше ничего не было. Девчонка вопила так, словно ей пятки поджарили. Две другие вцепились в неё и помешали мне закинуть её через седло. Как на грех, на базаре была

Гасава-домоправительница вместе с Урус-беком. Я их не заметил поначалу, а то нашёл бы другое время для увоза. Урус-бек сам сильный, да с ним ещё пять человек было. Они меня камчами отстегали. Не так было больно, как обидно. И за кого? За еретичку, за девку! Своего джигита опозорили! А всё она, эта Гасава. На меня тоже на базарах начали пальцем показывать. Матери своих дочек сразу за спину прятали, а взрослые мужчины, у которых дочери есть, даже здороваться перестали. Мои жёны были недовольны. Раньше помалкивали, а после этого случая осмелели, голос прорезался. Хорошо, сейчас опять умолкли. Бабам воли давать нельзя! — горестно заключил своё повествование Чакмак.

Некоторое время, кроме чавканья и сытых отрыжек, ничего не было слышно. Все с удовольствием поглощали свежее букпу* с баурсаками*. Всё это изобилие мужчины запивали, кто быршымой*, кто кумысом, кто чаем. Для тех, кто сидел во главе дастархана, наливали вино. Махмуд-султан вина не любил, пил мало. Ему больше нравился кисловатый кумыс. После него не болела голова, и не тянуло за юрту. После вина у него всегда начинался понос. Редко, не больше двух раз в году, его отец Джанибек вспоминал, как неведомый и давно сгоревший в ойротском костре, Шах-Будаг-султан, отравил вином напавших на его кочевье ойратов.

Махмуд-султану не было жаль незадачливых отщепенцев, попавших к нему так удачно. Эти батыры потеряны для Ясы и Сыгнака, но за его дастарханом им всегда будет место. Бек-Ата-бахадур с момента своего появления настаивал на том, чтобы напасть на Сыгнак, пока в нём нет сильного хозяина. Но Махмуд понимал, что справится с Шейх-Маридом в одиночку он не сможет, поэтому ранней осенью и поехал в гости к своему дядюшке Бурундук-хану. Хорошо, что тот позволил своим сыновьям с несколькими десятками нукеров поддержать его. Да и отец расщедрился в кои-то времена и выделил пять сотен нукеров. Но те были не хорошо обученные воины, а обыкновенные кочевники. Хотя любой простой кочевник может держать саблю в руке и стрелять из лука, попадая в глаз волку на расстоянии ста шагов. Все они были со своими семьями, жёнами, детьми и стадами. Это было большим подспорьем, не нужно было самому кормить всю ораву.

Кто-то может сказать, что ему удалось подстрелить врага с расстояния в пятьсот шагов. Так вот пусть он закроет свой рот и не позволяет лживому языку позорить себя откровенным враньём. Ни у кого нет такой силы, чтобы пробить доспехи. Даже толстый халат. с такого расстояния невозможно пронзить стрелой. А у человека есть ещё мышцы и кости, в которых стрела застревает и не достигнет своей цели. Стрелы это хорошо, но лучше всего сабля. Она никогда не предаст и не подведёт. Главное, крепкая рука и быстрота. Хотя рубиться на саблях это особое искусство. За один день не научишься!

Махмуд-султан вспомнил, как его учили обращаться с саблём. Как все жители степей, он и его братья, с детских лет играли с оружием. Поначалу это были простые тесаки из плохого железа или маленькие топорики. Их надо было научиться крепко держать в руке. Потом махать вверх-вниз и в разные стороны. Надолго сил не хватало. Рука становилась словно чужая и висела дохлой змеей вдоль тела. После такого махания даже кусок лепёшки в руке трудно было удержать. Взрослые джигиты и даже ребята-подростки смеялись над малышами, показывая разные удары саблей. Махмуд в детстве думал, что никогда не научится держать саблю на вытянутой руке хотя бы несколько мгновений. Рука затекала, потом её неизбежно клонило вниз. Топорик или детская сабелька выskalзывали из пальцев и со звоном падали на землю.

Но шло время, вот уже топорик не вывёртывался из рук, не ложился плашмя, а шёл к цели ребром, встречаясь острым лезвием с поверхностью. Султан не знал, что у него есть правая и левая, но хорошо знал, что есть чистая и нечистая руки. Чистой рукой берут лепёшку и едят баранину, а нечистой подтирают зад в отхожем месте, или за юртой. Его учили махать саблей из стороны в сторону, и не только так. Для того, чтобы снести голову врагу надо двигать рукой с зажатой намертво в ладони саблей, держа её перед собой на уровне шеи. А это довольно трудно. Сабля весит не меньше кадака, а то и двух. У каждого джигита есть своя сабля, с которой он

не расстанется никогда. Кладёт её рядом с курпачёй, на которой спит. Даже за дастарханом она всегда висит на поясе. У некоторых джигитов две сабли — одна висит справа, другая слева.

— Твоя сабля должна быть продолжением руки! Ты должен держать её не как камчу, ты должен держать её всей рукой и чувствовать, что сабля двигается не только при помощи ладони и кисти. Она двигается при помощи всей руки и даже спины. Вот когда ты голыми руками вытащишь гвоздь из доски, только тогда ты сможешь убить саблей своего первого врага. — Так учил всех сыновей Джанибека старый воин-уйгур,

Сколько ему было лет, никто не знал, но у него, несмотря на полное отсутствие зубов и лысую голову, сила в руках оставалась немеряная. Когда мальчишки пытались выдернуть из доски наполовину забитый гвоздь, споря между собой, что этого никто и никогда не сможет сделать, учитель Бекмурат, двумя пальцами, играючи выдернул его из доски. Младший братишка Махмуда, Касым, заскулил:

— Учитель, мы этот гвоздь расшатали, поэтому тебе удалось его так легко выдернуть. Но если я забью его так, как положено, даже тебе не удастся его сдвинуть с места. — Бекмурат улыбнулся беззубым ртом, и вогнал гвоздь голой рукой в дерево.

— Слабоголовые недоумки! Вы видели, я голыми руками, без молотка или камня загнал гвоздь в дерево. А вы теперь попробуйте вытащить его своими хиленькими ручонками! До каких пор вы будете себя жалеть и отлынивать от единственной вашей работы — подготовки к будущим славным сражениям? Вы хотите погибнуть в первом же бою? Любому противнику с вами будет справиться легче, чем помочиться за юртой!

Не только маленькие сыновья Джанибека, но и некоторые ребята постарше, пытались вытащить гвоздь из бревна, но так и не смогли. Именно тогда десятилетний Махмуд понял, что он ещё даже не стоит на пороге воинского искусства, если беззубый старик может голыми руками вытаскивать гвозди из дерева и заколачивать их обратно. После этого случая он перестал отлынивать от бесполезного и ненужного, по его мнению, стояния с топориком или саблей в руках. Иногда Бекмурат подвешивал на конец сабли мешочек с песком. Время шло, мешочек с песком становился тяжелее, а неподвижное стояние намного дольше. Порой старик заставлял держать сабли в обеих руках, часто заставлял приседать на корточки, держа в одной руке саблю, а в другой небольшой круглый щит.

В таких случаях нужно было вскочить на ноги и нанести удар по деревянному чурбаку, стоящему в трёх шагах от мальчишки. От бесконечной усталости удары были такие хлипкие, что на чурбаке не оставалось не то что следов от удара — простой зазубрины не было. По прошествии нескольких лет частые приседания и вставания, езда на коне без седла и многие другие придумки Бекмурата, привели к тому, что ляжки у Махмуда стали словно железные. Он уже мог намного дольше стоять неподвижно с двумя саблями в руках, утяжелёнными мешочками с песком, чем длилась утренняя, самая долгая молитва.

Вспоминая о годах постижения воинской науки, Махмуд вспоминал и то, что смерть Бекмурата, несколько лет назад, была для него настоящим, неподдельным горем. Он уже давно мог вогнать гвоздь в бревно и легко вытащить его наружу голыми руками. Мог, с утренней зари до заката, не слезать с коня и проделать несколько десятков фарсагов без собой усталости. Он мог не пить сутки и обходиться без еды несколько дней в случае необходимости. Всё это были не его собственные достижения, это была заслуга старого, беззубого уйгура. Он своим примером и мастерством смог увлечь всех детей Джанибека. И надо было видеть плачущего настоящими слезами грозного, воинственного Джанибек-хана, провожающего к порогу Всевышнего простого уйгурского воина.

Сидя за дастарханом и вспоминая всю эту воинскую науку, Махмуд-султан понимал, что у простых кочевников не было ни времени, ни желания становиться опытными бойцами на саблях. Это было дело долгое и бесконечно муторное. Движение сабли, точное, отчётливое и

полное, было залогом его долгой жизни. Готовясь к встрече со своими врагами, вернее, с врагами рода, он надеялся на то, что у Шахи-Бехта и его братишки, в долгих и неудачных кочёвках по Великой степи, не было возможности научиться воинским приёмам. Он даже не догадывался о том, что братья-беглецы не только бегали по степи, но и тренировались не меньше, а иногда и значительно больше, чем он сам и его многочисленные братья. А иначе, откуда бы шла их слава как бахадуров и великих батыров?

Махмуд-султана, братишку Шахи-Бехта, акыны называли Батыром тогда, когда ему только-только исполнилось шестнадцать лет. Назвали за великую победу в серьёзном сражении. Не каждый взрослый воин доживал до славы батыра-мальчишки. Сейчас Махмуд может стать во главе десятка, через неделю у него будет уже сотня воинов, а через луну целая тысяча, так его уважают в степи!

Сыну Джанибек-султана понравился Чакмак. Грустную историю бегства из Сыгнака он слышал, уже наверное, в десятый раз. Но когда услышал впервые, то рассердился на правителей Сыгнака. Рассердился по-настоящему. Не за то, что они не позволили увести девушку и развлечься с ней. Он бы тоже встал на защиту чести девушки, если она была из его эля*. Он был в ярости от того, что джигита побили за этот проступок. Ни одна женщина не стоит того, чтобы за неё отвечал своей спиной прославленный джигит. Унизить прилюдно мужчину за еретичку, никому не позволено. Первое, что сделал Махмуд-султан — он назначил Чакмака июзбаши. Должность достаточно высокая и ответственная. Этот сыгнакский житель нравился ему высоким искусством владения саблей, пикой, луком и другим оружием. Новый июзбаши показал, как хорошо он владеет барымтой. На деревянном чурбаке оставались довольно внушительные вмятины от ударов этой боевой камчой. Некоторых приёмов молодой султан не знал и с удовольствием постигал новые умения.

Более тысячи воинов с семьями, несколько больших табунов и многочисленные отары, двигались поздней осенью в сторону Сыгнака. Можно было подумать, что кочует чей-то довольно богатый эль в поисках забытого пути на зимнюю икстау. Но это было не так. Все знали, что они двигаются по степи не в поисках скорой зимовки, а в поисках огромной добычи. Осталось только одно — надо было каким-то образом выманить Мухаммеда и его брата из Сыгнака. Братья города, особенно так хорошо укреплённые, как Сыгнак, Махмуд-султан не мог. Не только он не мог этого сделать, этого не могли делать кочевники Великой степи. Ценнейшие знания предков-чингизидов были давно позабыты за ненужностью.

Никому и в голову не могло прийти, что Мухаммеду Шейбану до смерти надоела его спокойная жизнь в Бухаре и Самарканде. Почти усыпила бездействием и ленью жизнь в Сыгнаке. Обучение в Бухаре было вынужденной передышкой в бесконечной череде отступлений и побед. Ко времени появления в Бухаре, Мухаммед понимал, что его знания, достаточно большие и значительные для кочевника. Но они незначительные и куцые для правителя большого цивилизованного государства. Мухаммед собирался не только править огромным, богатым государством, он хотел делать это хорошо! А как можно управлять государством, в котором множество медресе и тьма умнейших людей — толкователей Корана и Хадисов? Да любой из этих людей заткнёт его за поясной платок не в научном, религиозном диспуте, а в обыкновенном споре.

Поэтому он учился сам и все его друзья-родственники-соратники должны были учиться вместе с ним. Жаль до дрожи в руках и помутнения в голове, что самый близкий друг Алейке не рядом с ним. Хотя около него находится и поддерживает во всех делах Канбар-бий, кукельдаш. Тот нисколько не отставал в учёбе, но был довольно удачлив в воинском деле. Всё, что делал сейчас Мухаммед, делалось с учётом будущего правления. И жизнеописание, которое он регулярно просматривал и исправлял так, чтобы выглядеть не совсем сказочным четырёхруким героем с двумя огнедышащими головами. Он считал, что если будут незначительные

неудачи в описании его жизни, это будет похоже на правду. Много внимания Мухаммед уделял описанию великих знатоков Корана и знакомству с ними.

Ещё одно занимало Мухаммеда — внезапный интерес его наложницы к деньгам. Не к самим деньгам, а к монетам и тому, откуда они берутся. А если государство без денег, это всё равно что тело без крови и юрта без очага и хозяйки. Именно Дамира подтолкнула его к более серьёзным раздумьям о природе денег и их производстве. Но делать деньги без государства смешно и небезопасно для здоровья и жизни. Поэтому, отложив эти мысли в дальний ящик своего мозга, султан маялся от бездействия.

Ему давно опротивела мирная, тихая, спокойная и аккуратная жизнь в чистеньком Сыгнаке. Дамира радовала, но сколько можно радоваться постельным утехам? Даже в молодые годы, а себя Мухаммед считал чуть ли не стариком, он был не настолько сильно увлечён женщинами. Да, они занимали его, но воинская слава привлекала намного сильнее. За полгода домашнего, растительного существования, султан размяк и надеялся на то, что хоть кто-то нападёт на Сыгнак. Хотя ждать этого не приходилось. На укрепленный город может напасть только совершенно безмозглый и оголодавший до последней степени человек. Как-то он вспомнил себя восьмилетнего, стоящего за воротами Сыгнака возле дурно пахнущих стариков. Тогда он был ребёнок и совсем не боялся. За спиной стоял великой воин, его дед и его вооружённые, опытные нукеры. Уверенности, граничившей с наглостью, в нём тогда было выше самых высоких гор. Простиралась она так далеко, как Великая степь — от одного края мира до другого! Нынче нужна серьёзная встряска, иначе он заплесневеет, как кусок мяса в безветренную погоду, забытый возле юрты нерадивой хозяйкой.

Надоела Гасава с её неистребимым стремлением преумножить богатства обожаемого султана. Мухаммед подозревал, что Гасава с таким рвением защищает его и его богатство в память об его отце. В этом он не ошибался. Но он жив, и домоправительница истово умножала его благосостояние.

Султану не надоел только Тимур, его маленький сын. Он почему-то видел в нём своего отца. Со временем черты полузабытого лица Шах-Будаг-султана почти исчезли из его памяти, но когда он смотрел на ребёнка, то видел именно его лицо. Отцовский мягкий взгляд, его лаковые, но твёрдые руки, его поучающий голос. Никогда Мухаммед не думал, что может привязаться к кому-то ещё, кроме своего единственного брата. Он удивлялся, почему так долго не ехал к этому упрямому, но такому смешному и ласковому существу. Несмотря на то, что Дамира была не единственной его женщиной в Сыгнаке, и несмотря на то, что она ему надоела, он продолжал её навещать и разговаривать с ней.

Он целые дни проводил, возясь с ребёнком и разговаривая с Дамирой. Много из того, чем занималась его наложница, казалось ему ненужным и даже смешным. Но некоторые вещи затронули его внимание. Например, ковровая мастерская. В ней он провёл некоторое время, заходя то утром, то в послеобеденное время, то ближе к вечеру. Мастера никогда не работали при светильниках. Но они работали, не разгибая спины. Мухаммед удивлялся тому, как безостановочно снуют их пальцы. Поначалу он забрёл из любопытства, после того, как посмотрел на ковры в своих покоях. Затем он пришёл туда с Махмудом и Канбаром, потом зачастил, как на обязательные тренировки с саблей и луком.

Каждый ковёр за день увеличивался на два-три пальца. Мастера и мастерицы сидели вплотную друг к другу, почти касаясь локтями соседа, но не мешая тому вязать бесчисленные разноцветные узелки. За их спинами стояли или сидели местные мальчишки и девчонки. Наложница объяснила, что это ученики. Когда персы отработают свой долг чести, то эти дети их сменят в мастерской и будут ткать такие же ценные и привлекательные ковры. Мухаммед подивился предусмотрительности женщины, но ничего не сказал. Ещё загордится!

Наблюдая за работой ковровщиков, он начал задумываться над нелёгкой участью пленных ремесленников. Когда Дамира рассказывала о них, султан лишь усмехался, думая о том,

что персы должны радоваться, что не пасут овец под палящим солнцем, а их женщины не служат игрушками в домах богатых беков. Но, видя их напряжённые спины и мелькающие без усталости пальцы, он постепенно, исподволь, начал проникаться к ним если не сочувствием, то мизерной долей участия. Постепенно, очень медленно, он начал понимать, что именно ремесленники создают все те красивые вещи, которые его окружают.

Если раньше он был уверен, что для хорошей жизни достаточно того, что делают женщины во время кочевий, то теперь понял, что только при упорном труде обученных ремесленников может получиться что-то достаточно ценное. Он разглядывал раму-станок и пять напряжённых спин за каждым из десяти станков. Мотки цветных шерстяных ниток, нож с крючком на конце. В детстве он думал, что все ковры и всё остальное появляется только в случае удачного грабежа. Так же думал и в юности. Но теперь, разглядывая медленную, ползущую словно улитка, работу ткачей, он думал о том, что не только ткачи медленно делают свою работу. Чем дольше её делает ремесленник, тем ценнее становится вещь. Тем более ценное сырьё он использует. Значит, всё зависит от времени? Но если руки не могут работать, никакое время не спасёт. Он посмотрел на свои сапоги, притопнул невысокими каблуками и снова подивился — эти сапоги не сняты с убитого джигита, их тачал сыгнакский сапожник. И новый халат сшит из ткани, сотканной местным мастером.

Когда он жил в Бухаре, то часто сетовал на дороговизну жизни в городе. Теперь он понимал, что все эти вещи появляются только потому, что их делают люди, обученные сложному ремеслу умелым мастером. Он даже по совету молчаливого Канбара сходил к кузнецу и посмотрел на двух подмастерьев и пятерых учеников владельца кузни. Если коврооткачи его удивили тишиной, то в кузнице он поразился тому шуму, копоти, гари и вони, что стояла там. Он и раньше знал, что хорошая сабля стоит очень дорого, но почему — даже не догадывался. Теперь он понял, что всё упирается во время, мастерство и опыт. Изысканная, ценная вещь, похожа на хорошо обученного воина.

Если дать в руки последнего жатака* сбалансированную, острую саблю, натянуть на его драгоценную кольчугу, посадить на ферганца и выпустить против обученного, но безоружного воина с одной камчой в руках, то неизвестно, кто победит. Хорошо, что Гасава и Дамира дали послабления этим пленникам и не стали ухудшать их, и без того, тяжёлую жизнь. Теперь он становится богаче не потому, что грабит проезжих купцов, а потому, что его люди сопровождают купеческие караваны и на него работают ремесленники. Конечно, он никогда не откажется от воинской добычи. Это было бы глупо и нелепо. Но он понимал, что когда-то станет правителем не только воинов, но и многочисленных ремесленников. Чем больше их будет, тем богаче будет он сам и его государство. Не зря у Ахмада Мирзы в Кок-сараях такие красивые вещи. Какие у него ляганы, блюда, ковры, паласы, сюзане. А какая резьба по ганчу и дереву! А какой величественный дворец этот Кок-сарай! Но сам Ахмад-мирза был ему отвратителен своими гнусными привычками.

Мысли Мухаммеда перепрыгнули с ремесленников на эмира Тимура. Он был, конечно, любителем делать из голов пленников башни, но именно он привёз в Мавераннахр множество самых искусных ремесленников и заставил их работать на себя. Почти как Дамира. Но Дамира по своей женской натуре была жалостливой. Она освободила пленников и дала им свою защиту. Поэтому благодарные персы работали не за страх, а за совесть, а также на незначительное денежное вознаграждение. Их старший мастер и признанный старейшина Навуд, даже говорил с ней шёпотом, боясь звуками своего голоса испугать госпожу Дамиру. Несмотря на то, что сунниты и шииты были непримиримыми врагами и считали друг друга еретиками, но к Дамире было совсем другое отношение — уважительное и даже чуточку благоговейное. После того, как Урус-бек и Гасава спасли его внука от надругательства, его благоговение распространилось и на остальных членов правящей верхушки Сыгнака.

Но Мухаммеда старейшина Навуд боялся. Была бы его воля, он бы хоть сегодня оставил Сыгнак за плечами и отправился в родную Персию. Но после освобождения он обещал две вещи своей спасительнице — отработать пять лет и подготовить несколько мастериц и мастеров из тех мальчиков и девочек, которых пришлёт Дамира. Ей удалось набрать два десятка учеников из семей самых бедных жителей Сыгнака или несчастных сирот. Никто не хотел стоять за спинами еретиков, да ещё чему-то учиться у них. Не думали горожане о том, что ковровщики всегда имеют пшеничную лепёшку с коровьим маслом и барашка в казане. Спесь и пренебрежительное отношение к чужакам закрыли для многих путь к безбедной старости.

Караван, пришедший с низовьев Яксарта, принёс соблазнительные и утешительные новости. Этот караван обогнал в пути большой эль,двигающийся в сторону Сыгнака. Во главе воинов, которых было «как горошин в стручке», стоял молодой сын Джанибек-хана, Махмуд-султан. Во время привала этот султан похвалялся, что выгащит жалкого Шахи-Бехта из Сыгнака, выпорот его камчой и голого выгонит в степь. Купцы не спорили. Их не касались интересы многочисленных вождей воинственных племён, снующих по Великой степи. Лишь бы их не грабили и не отбирали товары бесплатно. Прибыв в Сыгнак, купцы попали во дворец к хакиму Шейх-Мазид-бахадuru, которого поддерживал тимурид Мирза Ахмад. На самом деле Мирза Ахмад прекрасно знал, кто заправляет всем в Сыгнаке, но его не занимали такие мелочи, пока из присырдарьинских городков приходили положенные налоги.

Несмотря на то, что Шейх-Мазид был старше Мухаммеда лет на пятнадцать, он всегда прислушивался к его советам и пожеланиям. Он ещё помнил не только Абулхайрхана, он помнил и его отца. Шах-Будаг султан был старше Шейх-Мазид всего на семь лет, но хакиму было уже за сорок, а Шах-Будаг-султан так и не дожил до тридцати лет. Хаким был невысокого роста, коренастый, кривоногий, как все наездники, с угрюмым плоским невыразительным лицом. Несмотря на такую заурядную внешность, ум имел острый, гибкий, словно ветки тальника. А стрелял из лука намного быстрее и точнее, чем любой другой бахадур в степи. Семья его была большой. Четыре жены исправно рожали детей. Иногда Мазид сбивался со счёта — двенадцать у него сыновей или пока одиннадцать? Сколько дочерей у него родилось, он никогда не интересовался. Они уйдут из дома с богатым приданым, юртой, казанами, котлами и одеялами и поминай, как звали. Начнут в новой семье рожать детей.

Помня, с каким вниманием Мухаммед относится ко всем сплетням и новостям, приносимым купцами, Шейх-Мазид наострил уши при первых же словах о двигавшемся в сторону Сыгнака большом воинственном эле. Хакиму тоже было скучно заниматься хозяйственными делами. Это женщины пусть смотрят за ковровой мастерской и за нитками-иголками-паласами-пряжами, а он уже стосковался по хорошей рубке и счастливому набегу. Его совершенно не пугало то, что в сторону его города двигается вполне значительно войско. Он надеялся, что Мухаммед тоже будет рад возможности сразиться с сыном Джанибек-хана. Тем более, что тот сам стремится к своей неминуемой гибели.

Глава вторая

Поздняя осень или ранняя зима — сложно сказать, что творилось за стенами домов, за воротами Сыгнака и на улицах города. Переход от осени к зиме был странным и непредсказуемым — то валил снег, то выглядывало солнце и обдавало промёрзшую землю тёплыми, ласковыми лучами, позволяя ненадолго вернуться в лето. Но напрасны были надежды на возвращение тепла. Время неумолимо заставляло смириться с холодами и крепче кутаться в ватные шапаны и овчинные душегреи. Даже древние старики, помнящие все приметы изменения погоды, не могли предугадать, пойдёт завтра дождь или похолодает и выпадет снег? Небо часто обкладывали далёкие тяжёлые грязно-серые облака. Они были светлее в том месте, где в это время должно находиться солнце, но толку от него было мало. Чем дальше, тем меньше оно грело и почти не светило. В такое время люди сидели по домам, юртам и убогим кибиткам, разбирали настриженную шерсть, ели баранину и молили Всевышнего о том, чтобы дожить до следующей весны.

Мухаммед, в тёплом халате и усталых войлоком добротных сапогах, уютно расположился в седле. Барбарис, норовистый конь султана, стоял как вкопанный. Не умея разговаривать и не будучи человеком, он был великолепно обучен и слушался малейшего движения коленей наездника и поводьев. Хозяин редко обижал его плёткой. Чаще всего хвалил, ласково трепал по шее и даже делился кусочком вкусной лепёшки. Сейчас конь наострил уши, прислушиваясь к интонациям человеческих голосов. Ничего не понимал, но если голоса спокойные, без крика и воплей, то не будет вонять кровью. Барбарис боялся этого ужасного запаха. Он понимал, что кровь может привести и к его смерти. Ещё конь боялся лязга железа, хотя привык к этим звукам. Хозяин как нарочно останавливался возле странного сооружения, из которого нестерпимо воняло тяжёлым дымом и странным запахом ржавчины.

Пахло другими лошадьми. Эти запахи Барбарис различал. Он фыркнул в сторону своего приятеля, на спине которого располагался смешной двуногий, очень похожий на его хозяина. Такой же непонятный, с таким же голосом. Непонятные Барбарису, но привычные звуки, пока не привлекали внимания коней. В них не было знакомых команд, слыша которые Барбарис должен был или скакать, или идти шагом. Каждое такое слово-команда глубоко врезались в его память, поскольку подтверждались ударом тонкой плётки или вкусным угощением. Угощение следовало лишь тогда, когда ещё совсем молоденький Барбарис научился отказываться от собственных желаний и стал беспрекословно выполнять то, что ему приказывала плётка. Спротивляться было бесполезно. Барбарис, на своём крупе хорошо усвоил, что чем больше сопротивляешься, тем сильнее страдаешь и получаешь болезненные удары. Сказать, что конь был умным, значит обидеть человека. Он был способным. Поэтому хозяин ценил его способности.

Ещё Барбарис не терпел, когда перед его мордой маячил зад какого-то другого коня. Он рвался вперёд, так, чтобы ветер свистел не только в его ушах, но и ушах его хозяина. Конь не понимал, почему он не всегда бежит в полную силу, почему хозяин натягивает противную уздечку с железкой. Та может порвать или поранить его губы. Эта штука была отвратительной на вкус. Барбарис так долго привыкал к ней, в конце концов забыл то время, когда ходил без удил. А ещё он знал своё имя. Радовался, когда хозяин гладил его по шее и говорил какие-то слова, добавляя «Барбарис». Конь понимал, что хозяин что-то хочет ему сообщить. Если голос ровный и тихий, то султан хвалил своего коня. А если в голосе звучали металлические звуки, то хозяин недоволен и может наказать. Не даст кусочка хлеба и не станет сам снимать седло с его спины.

Другие тоже аккуратно снимали седло, но хозяин при этом говорил что-то, вроде бы родное и знакомое. А конюх молча сдирал седло, водил щёткой по потной спине, затем набрасывал

тёплую попону. Никакого удовольствия от этих необходимых действий Барбарис не испытывал. Если раньше ему было всё равно, кто сидит в седле на его спине, то сейчас его это занимало и приводило в уныние, если хозяин был чем-то недоволен. Поэтому от всей своей лошадиной доброй души старался не огорчать близкое ему существо и выполнять все команды так быстро, как только мог. Вот и сейчас, Барбарис, услышав тонкий свист, сделал несколько шагов вперёд. Он давно знал — если раздался такой звук, нужно сделать несколько шагов вперёд. Он не мог считать, но чувствовал, в каком именно месте следует остановиться. И конь встал там, куда хозяин хотел его поставить. Тут же получил ласковое прикосновение рукой в тёплой рукавице к своей холке. Конь был доволен. Он правильно понял хозяина. Еще довольнее был Мухаммед. Между ним и его новым конём устанавливается та же связь, что и с его любимым с детства Лачином.

Вот уже два дня он со своими соратниками продвигается в сторону заката, но нигде не видно противника. Тот прилюдно похвалялся голым выгнать Мухаммеда на мороз. «Посмотрим — грустно думал султан, непривычно тоскуя по тонким ручкам своего сына — посмотрим, кто кого выгонит на мороз. Кто будет есть жирного барашка и получать утехы от новых женщин, а кто вынужден будет бежать по степи, спасаясь от преследования». Рядом с Барбарисом пританцовывал на тонких бабках конь Якуб-бека, младшего брата Канбар-бия.

— Брат мой, уважаемый Мухаммед-султан! Позволь мне сказать несколько слов о новых врагах? — Мухаммед недовольно дёрнул щекой.

— Якуб, мы на походе. Может быть, ты ещё с коня спустишься и на колени встанешь? Некогда жемчужные словеса развешивать по саксаулу, говори без затей. — Младший брат кукельдаша только этого и ждал от султана. Он тоже не терпел лишних слов. Они мешали донести основную суть дела до повелителя, а так же шутить и сочинять разные небылицы.

— Мы уже два дня ползём по степи и не видим никаких признаков ни больших, ни маленьких караванов, ни войска. Даже никто не кочует, кроме нескольких наших семей, что задержались на кузеу и торопились в свои урочища. Вот уж лентяи, перепились кумысом и застряли на осенних пастбищах. Они тоже ничего интересного не рассказали. Никто из них не видел чужих в степи.

— Якуб, а твои люди из манглая* ничего не заметили? — Якуб недовольно скривился, как от кислого или гнилого яблока. — Ты допускаешь, что купцы могли по какой-то причине нас обмануть?

— Брат, я не думаю, я знаю, что мои нынешние доглядчики, эти косые и слепые бездельники, дальше горизонта ничего не видят. Было у меня несколько хороших лазутчиков, но один заболел и остался в Сыгнаке. Другой батыр только что женился и не захотел бросать свою красавицу. Ты знаешь, я бы на такой не женился!

— Почему? — Мухаммеду было не очень интересно слушать новые мужские сплетни, но он бы и сам в это время с удовольствием сидел возле Дамиры и Тимура.

— Как почему? Ты же был на свадьбе у Дильшода? Ты что, не разглядел его жену? — Все вокруг весело засмеялись. Громче всех смеялся Махмуд. Даже Канбар-бий улыбнулся уголками твёрдого рта.

И тут султан вспомнил незадачливого джигита, его невесту и свадьбу, над которой втихомолку потешался весь Сыгнак. Дильшод, как многие другие пластуны, был невысоким, юрким и пронырливым джигитом. Все окружающие смеялись и говорили о том, что если он захочет, то может спрятаться в бешике у любого младенца, настолько он увёртливый. И вот этому сильному и опытному разведчику, но довольно мелкому джигиту, понравилась девушка в полтора раза выше него и гораздо массивнее. Слов нет, она была довольно привлекательна и хорошо бы смотрелась рядом с джигитом высоким и крупным. Но рядом с Дильшодом она была как

гора рядом с мышью. Никто не верил в то, что девушка полюбила Дильшода, но она сама с удовольствием согласилась на свадьбу, когда знаменитый лазутчик посватался к ней.

Если жених с невестой стояли далеко друг от друга, всё было хорошо. Но когда они были рядом, мало кто мог удержаться от смеха. Громче всех хохотал дружка Дильшода, высокий и упитанный Обоз. Над ним мало кто посмеивался, однако и его невеста была его полной противоположностью — курносая и низенькая толстушка Ойниса. Все приближённые Мухаммеда пришли к заключению, что друзьям просто необходимо поменяться невестами. Именно это и вспомнил сейчас Якуб. Сам Якуб, большой ценитель женской красоты и любовных утех, ничем не отличался от других мужчин и имел трёх наложниц, но до сих пор не влюбился и не женился. Долгое время Якуб не мог без улыбки вспоминать своего самого искусного следопыта и горько сетовал на его отсутствие. Мухаммед заулыбался, вспомнив если не все мелочи, но саму эту ситуацию. Кто только не смеялся над Дильшодом. Но тот упорно шёл к своей цели. И невеста могла встать во весь свой немалый рост и треснуть обидчика, если кто-то начинал слишком громко обсуждать столь разительно несхожую пару.

— У тебя же не два человека было в разведчиках? — уточнил недовольно Мухаммед. Ему необходимо было знать, к чему готовиться и чего ждать от своих давних-новых врагов.

— Брат, как ты мог такое подумать? Но как-то так получилось, что из самых искусных больше десяти человек по разным причинам остались в Сыгнаке или задолго до похода куда-то отправились. Мы же получили известие о возможном нападении совсем недавно. А те, что остались, не совсем плохие. Они не слишком опытные и многого не замечают. Они не могут определить по помёту, сколько времени прошло после того, как в этом месте паслись овцы. Хотя даже я, бек, это знаю. И могу сказать, сутки, двое или неделю назад здесь прошла отара. Они не могут определить по отпечатку копыта стати и размеры коня. Это что за следопыты...

— Ты зря сетуешь на своих людей. Ты их сам набирал, и сам виноват в том, что они мало что могут. Учи. На то ты и бек.

— Брат мой! Разведчиком надо родиться. Вот ты родился султаном, и по праву занимаешь место во главе войска и Сыгнака. Но неужели ты не помнишь, сколько твоих двоюродных и троюродных братьев уже полегло в Великой степи со времени ухода в мир иной великого Абулхайрхана? — Мухаммед понурил голову. Мало того, что ему не совсем нравилось начало этого набега, он редко вспоминал погибших дядюшек и двоюродных братьев.

Что толку бесполезно лить слёзы по безвременно ушедшим в сады Всевышнего неудачникам? Они виноваты лишь в том, что встали не на ту сторону или вовремя не ушли с дороги более сильного противника. Мухаммед никогда не стеснялся спастись бегством или оставить зарвавшегося союзника. Он наморщил лоб, стараясь вспомнить внешность незадачливого Бурудж-оглана, своего будто бы старшего дядюшки. Слишком быстро оглан почувствовал себя непобедимым ханом и решил, что теперь Всевышний крепко держит его руку в своей длани. Это стоило ему жизни. И ещё одно вспомнилось султану. Вещий сон перед гибелью Бурудж-оглана.

Много было таких братьев, дядюшек и других родственников. Но постепенно Мухаммед пришёл к единственно правильному, с его точки зрения, решению — все его соратники, родственники и друзья должны поддерживать тесные союзнические отношения лишь с прямыми потомками Абулхайрхана по мужской линии. С сыновьями великого хана и дочери Улугбека Рабии-султан. Кучкунджи, Суюнчи и Ходжи-Мухаммедом. Только их признавал султан своими родственниками, братьями и союзниками. Именно они и их мать, великая и очень умная женщина, оказали поддержку молодым беглецам и часто помогали в трудные времена. Не только приютом, но и дельным советом. Этих подсказок часто так не хватало молодым ещё султанам.

— Ты прав, Якуб. Не знаю, насколько я на своём месте, но могу сказать, что моя любимая бабушка Рабия точно на своём. Я заметил, что она никого из многочисленных детей, внуков и правнуков нашего дедушки никогда не привечала в Ясы. Никогда не приглашала к себе. А если

кто-то приезжал, то она никого не селила у себя. А мне мой дядя Кучкунджи даже подарил свою наложницу, Дамиру. Она оказалась девственницей и даже родила мне сына.

Мухаммед прикрыл глаза и погрузился в свои мысли. Только о сыне он думал, про наложницу вспомнил походя, поскольку без матери и ребёнка не будет. Как он раньше жил без этого ясноглазого малыша и почему не ехал в Сыгнак, султан не мог себе объяснить. Он сильно удивлялся тому, что Суюнчи невзлюбил своего первенца. Отчего так происходит? Неужели есть люди, которым не нравятся их дети? Мухаммед вспомнил, как дедушка и отец баловали его и братишку. Как закармливали разнообразными сладостями и бараньим мясом. Как все бабушки старались оттянуть то время, когда мальчики переходят на мужскую половину юрты.

Очень смутно султан помнил свою мать. Говорят, отец её любил. Мухаммед в ранней юности испытал довольно сильное чувство к дочери Мусы-бия, но тот отдал девушку сибирскому хану. Потом у него были женщины, и султан был уверен, что они все его любят. Оказалось, первая потеря гарема открыла ему глаза на женскую любовь. Нет её и быть не может. Женщины вынуждены приспосабливаться в своих привязанностях. Мужчины сами заставляют их это делать. Своими войнами, набегами и истреблением неугодных семей. Детей не убивают. Из детей противников могут получиться хорошие слуги. Но только тогда, когда дети совсем маленькие. Приятно, когда дочка врага вырастает и становится твоей наложницей. А мальчик твоим конюхом, поваром или того лучше, овчаром или псарём.

Мухаммед приоткрыл глаза и улыбнулся. До сих пор у него не было возможности захватить чей-то гарем. Ничего страшного, это дело поправимое. Он ещё молод, и у него уже есть сын. Наследник и продолжатель его дел. Шейх-Мазид-бахадур, из узбекского племени маджар, много внимания уделял не только порядку в Сыгнаке, не только подготовке войск и их обучению, но и воспитанию его ребёнка. Карачин-бек стар и уже мало чего видит. Но нужны учителя. Пока ещё рановато, но скоро, совсем скоро, лет через пять, у мальчика должны быть хорошие, строгие учителя. И ему нужен аталык. Вдруг с Мухаммедом что-то случится, тогда и ребёнок пропадёт в злой людской круговерти. Глупо, что Дамира сама кормила ребёнка грудью, как простолюдинка. Теперь бы рядом с Тимуром был молочный брат, друг и помощник, сначала в играх и развлечениях, а потом и в жизни.

Оглядывая пустую степь до самого горизонта, Мухаммед вспоминал своё детство с Алейке и Канбаром. Если Алейке всегда был рядом, то Канбар некоторое время находился вдалеке. Мысль об аталыке засела в голове молодого султана корявой занозой. Почему в течение нескольких месяцев он об этом ни разу не подумал? Он же не бессмертный. А если в этом сражении он потерпит поражение и Сыгнак будет захвачен врагами, что станет с его сыном? Про Дамиру сейчас Мухаммед не думал. Не пропадёт, всё-таки наложница самого Мухаммеда Шейбани. А вот насчёт Тимура он сплосховал. Вернуться домой и забрать ребёнка с собой? Именно сейчас ничего более неразумного придумать нельзя.

На горизонте, между двумя высокими холмами, показалось несколько точек. Они быстро увеличивались, постепенно стало понятно — это доглядчики, их выслал во все стороны степи Якуб-бек. Возвращались те, кто был послан на северо-запад. Не оттуда ждал врагов султан, он был уверен, что те появятся строго с запада. Но пока ничего не известно, надо подождать некоторое время, затем всё станет понятно. Он кивком подозвал к себе своих соратников, тех, которые отвечали за правое и левое охранение. Друзья поняли, что их беспцельное передвижение по степи, судя по всему, заканчивается. Не станут всадники терзать бешеной скачкой лошадей, если позади никого нет.

Внимательно оглядывая окрестности, Мухаммед заметил, что по правую руку располагалась небольшая балка и увал перед ней. Если спрятать там часть своих нукеров, а самим сделать вид, что они при виде большого войска испугались и поскакали прочь, то можно заманить врагов в ловушку. Через некоторое время все кинутся за беглецами. Обоз, в котором женщины и подростки охраняют припасы и добро, бросятся в погоню вместе со всеми в надежде

на возможность пограбить. Вот тогда этот обоз можно безнаказанно захватить. Затем, спустя некоторое время развернуться и ударить по наиболее рьяным преследователям. Кони у всех разные, кто-то догонит их и тут же потеряет свою никчёмную жизнь. Канбар-бий, Якуб-бек, Махмуд-султан, Али-Мардан-бахадур, Мамаш-бахадур, уже давно остановили своих коней у стремени Мухаммеда Шейбана.

Якуб-бек улыбался. Остальные настороженно следили за приближающимися всадниками. Все узнали в них пластунов Якуб-бека. Все догадывались, что неспроста те скачут во весь опор, но какие вести они несут? Неплохие, судя по всему. Лишь на рассвете они выехали на полуночную сторону, а время обеда не пришло. Значит, нашлись любители очередной поживы.

За два с половиной года Мухаммед почти отвык от войны. Знал, что война неизбежна, готовился к ней, но сейчас предпочёл бы просто договориться с противником. Хотя хорошо знал, что никто и никогда в Великой степи не договаривается, только воюет. Потому что добровольно никто своих женщин и своего имущества не отдаст. Если только в приданное и вынужденно.

Дамира второй день сидела возле окна, согревая большую комнату жаровней с красными углями. Впервые в жизни она ничем не занималась. Не ругала служанок, не играла с сыном, не обсуждала со своей наставницей и почти подругой, Гасавой, повседневных забот. Не стирала одежду, не готовила еду — она просто тосковала. Впервые в жизни её посетило это чувство. До этого дня она не понимала, как можно сидеть сложа руки и ничего не делать, ни с кем не разговаривать и даже не смотреть в сторону своего единственного ребёнка. Тимур сидел рядом на ковре и играл с тупым ножом, который ему подарил отец. Нож был лишь с виду ножом, на самом деле это был кусок железа, сплюснутый с двух сторон. Порезаться им было невозможно, нельзя было уколоться незаострённым концом. Тимур безуспешно пытался отщипнуть от ножки дастархана хоть небольшую стружку, но у него ничего не получалось. Он упорно водил по гладкой ножке куском железа, но не кричал и не плакал.

Время от времени он посматривал на мать и недовольно пыхтел. Ещё он не мог понять, куда подевался взрослый, сильный, добрый мужчина, который подбрасывал его к невысокому потолку, качал на колене и разговаривал с ним задушевым голосом. Мама так говорить не могла. А ещё этот дядя, которого он называл «Эке*», всегда за дастарханом кормил его из своих рук вкусным мясом. Мама тоже кормила его мясом, но почему-то мясо из рук эке было намного вкуснее. Мальчик нахмурил тёмные брови и ещё раз взглянул в сторону матери. Встав на кривоватые ножки, он подошёл к ней и дёрнул за руку. Говорил Тимур ещё не очень хорошо, многих слов не знал, но те, которые знал, выговаривал чётко и совсем не коверкал. Некоторые матери любят коверкать слова, когда разговаривают с маленькими детьми. Почему это происходит, никто сказать не может. Вот и запоминает ребёнок неправильную речь. Дамира никогда не ломала язык и всегда чётко выговаривала слова. Даже её повелитель заметил, что его сын говорит правильно.

— Ана*! — требовательно произнёс малыш. Дамира подняла голову и тяжело вздохнула. Опять она осталась одна. Нет. Не одна. У неё есть сын. И под сердцем зародилась ещё одна жизнь. Это счастье, что у неё будет ещё один ребёнок. Возможно, тогда её повелитель на ней женится? — Ана, я хочу кушать. Я хочу, чтобы меня кормил эке. В его руках даже кости вкусные.

Дамира сглотнула подступившие к горлу спазмы и незаметно смахнула непрошеную слезинку. Сын не заметил лёгкого движения ладони женщины, хотя внимательно смотрел на неё. Не заметил потому, что когда сам начинал плакать, что бывало достаточно редко, слёзы текли бурными потоками. А тут какая-то капля солёной воды.

— Да, верблюжонок мой, сейчас я тебя покормлю. — Повернув голову к низкой двери, она повысила голос. — Кто там бездельничает? Наследник кушать хочет. Кроме его еды, принесите солёной капусты, чая с молоком и баурсаки. Это для меня.

Служанка, молодая полная женщина, понимающе сложила губы в ласковую улыбку. Она была рада тому, что хозяйка такая добрая. Никогда от неё никто не слышал крика, а уж тем более Дамира-султан, так про себя они называли наложницу, не распускала руки. Такого никто не помнил и даже маленьких детей родители наказывали достаточно строго, чаще всего подтверждая свои приказы тычками. Просьб никогда не было, только приказы. Слово «пожалуйста» присутствовало лишь тогда, когда нижестоящий просил что-то у своего господина: кланчил должности или выпрашивал денег.

У служанки, приставленной к Дамире Шейх-Мазид-бахадуром, кроме удовольствия от мягкой постели и необременительных обязанностей, было ещё нарождающееся уважение к этой славной молодой женщине. Наложница всегда отдавала такие понятные и несложные приказы, что перепутать их или что-то забыть было невозможно. Если это были повседневные дела, то все служанки старались без понукания выполнять их. Если появлялось что-то совершенно новое, то они старались внимательно слушать, чтобы не огорчать хозяйку. Не скоро такую отыщешь. И никогда Дамира-султан не посылала своих служанок ублажать воинов своего султана. Хотя до них доходили сплетни о других хозяйках.

Круглолицая, с приплюснутым носом и тонкими губами, Зулайхо, быстрым шагом отправилась в сторону зимней кухни, где над очагом жарилось мясо и в стороне от очага, на широкой подставке, стояли кувшины с приточенными крышками. В них хранились присоленные овощи и сушёная зелень. Зулайхо давно знала, где, в каком кувшине, заквашена капуста, где настаиваются солёные огурцы и где можно незаметно окунуть палец в мёд и потом, в тёмном уголке тщательно облизать его от сладкой, тягучей прелести. Служанка редко это делала, потому что хозяйка не скупилась и хорошо кормила своих людей. Даже еретики-фарси, те, что ткали чудесные ковры, никогда не сидели голодные.

— Дамира-ханум велела принести дастархан. Ты и ты — приказала она двум поварятам. — На поднос надо положить свежих, горячих баурсаков, положить в товоки солёной капусты. Добавить два-три огурца и немного тех грибов, что недавно приготовили. Лепёшки свежие есть? Какие? Ты куда ячменные лепёшки кладёшь? У нас ячменные лепёшки даже слуги не едят, только жатаки их едят, да и то весной, а не обильной осенью. Мяса для наследника срезать самого поджаристого, с корочкой. Тимур-бек любит, чтобы с мяса капал сок.

Распоряжаясь таким образом, Зулайхо внимательно смотрела, чтобы приказ её госпожи был выполнен не просто хорошо, а с дополнительными изысками. Мало ли чего захочется её госпоже? Служанка видела, как совсем недавно Дамира-апа с удовольствием ела грибы. Рыбу ловили жатаки, именно они собирали грибы. Это дело было одним из самых неуважаемых среди кипчаков. Редко кто из мужчин мог унизиться до того, чтобы начать ловить рыбу. Хотя похлёбку из рыбы, вяленую и жареную рыбу, любили все без исключения. Что касается грибов, то многие вслух говорили о том, что грибы — еда поганая и никто её в рот не берёт. Чистый обман. После весенних дождей грибы собирали целыми аулами, солили и сушили. Это было хорошим подспорьем для разнообразия в еде.

Служанка с поварятами отсутствовала совсем недолго. Вслед за слугами в комнату наложницы вошла Гасава. Дамира успела подумать о том, что нельзя так убиваться о своём повелителе. Ну где это видано, чтобы из-за мужчины женщина забывала своего ребёнка? Вот он сидит на ковре, ясноглазая кровиночка и безуспешно тербит её за край платья. Дамире стало стыдно, она резко встала и подняла ребёнка на руки.

— Ана, я летать хочу! — весело засмеялся Тимур.

Гасава, разглядывая Дамиру, поняла, что та наконец-то ожила и взялась за ум. Место женщины рядом с мужчиной, но главное для неё всё-таки ребёнок. И даже если Мухаммед

жениться, то первородства у Тимура никто не отнимет. Рядом с Тимуром и Гасава проживёт долгую, счастливую жизнь. Всё на воле Всевышнего. Гасава потихоньку стала забывать детского бога и нисколько об этом не жалела. Наложница, грустно прижимая ребёнка к своей полной груди, медленно проговорила:

— Сыночек мой! Я не могу подбросить тебя так, как это делал отец. Ты сильно вырос и стал намного тяжелее, чем был до его приезда. — Сын весело засмеялся:

— Я ел много мяса. А скоро я вырасту и стану выше эке. Я буду много кушать мяса. И лепёшки. И даже грибы. Но я не люблю мёд. Ана, не давайте мне мёд, я вас очень прошу. — Дамира с удовольствием заметила, что ребёнок научился разговаривать со взрослыми уважительно, на «вы». Но он пока ещё терялся и иногда скатывался к детскому обращению.

Гасава первой заметила женские недомогания Дамиры, связанные с новой беременностью. Она порадовалась за неё и посетовала на то, что ей никогда не носить под сердцем ребёнка и не кормить его грудью. Но она настолько привыкла к своему увечью, что почти не думала о нём. Вся её жизнь теперь была связана не только с Мухаммедом, сколько с его маленьким сыном. Султан воин, и не ей, женщине, рассуждать о том, правильно ли делает её повелитель, что он опять кинулся в водоворот войн и столкновений с противниками. Домоправительница помогла расставить на дастархане принесённую еду и кивком отпустила поварят и служанку. Она сама накормит ребёнка, заодно и убедиться окончательно, что Дамира беременна.

Недолгий осенний день близился к вечеру. Дамиру клонило в сон, как и во время первой беременности, но дела и грустные мысли не давали ей забыться спасительным забытием целительного сна. Почти перед заходом солнца, когда в комнатах ещё не зажигают светильники, но трудно отличить чёрную нитку от белой, сердце наложницы вдруг пропустило два удара, а потом резкими толчками забилось в груди. Она схватилась за грудь, пытаясь успокоиться и утихомирить вырывающийся из груди стон. Никогда у неё не было ни малейших способностей предвидеть какие-то события или предсказывать грядущие несчастья. Но в этот момент она ясно увидела в своих мыслях, как её повелитель покидает седло Барбариса, его любимого коня, и отдаёт его одному из приближённых. Кто это, она не видела за пеленой подступивших к глазам слёз, но что он сделал это добровольно, она поняла.

Дамира невольно застонала, смахнула слёзы и оглянулась на сидевшую рядом Гасаву. Ей хотелось крикнуть, что она видит воинов, слышит шум битвы и различает стоны умирающих людей, но ничего подобного она не произнесла. Только протянула руку навстречу твёрдой ладони своей старшей подруги и хрипло прошептала:

— Он жив. Они все живы. Я это вижу... Но прошу тебя, никому об этом не говори. Не сегодня-завтра придут гонцы, и мы всё узнаем достоверно.

— Как? Как ты об этом узнала? Неужели Всевышний позволил тебе увидеть что-то, происходящее вдали?

— Не знаю, Гасава, не знаю. Я никогда не ощущала ничего подобного. Страшно. — Голос наложницы продолжал хрипеть, Дамира так и не решилась откашляться. Обычно её звонкий и чистый голос, правильно выговаривающий слова, теперь мог соперничать с хрипами старого ишака. Она похлопала себя по щекам, отгоняя наваждение и наконец-то кашлянула. Голос вернулся к ней. — Ещё раз прошу, никто не должен знать о моём видении.

Глава третья

Такого успешного сражения, на своём недолгом веку, Мухаммеду не удалось осуществлять. Судя по всему, многочисленные нападавшие, увидев горстку всадников, двигавшихся в сторону заката, решили, что настал их звёздный час. Орда воинственного батыра, Махмуд-Джанибек-султана, растянулась чуть ли не на фарсаг. Никто не хотел отставать от вырвавшихся на десять лошадиных корпусов заводил погони, но кони у всех были разные и скакали они с раннего утра. Что касается обоза с женщинами и перегруженными домашним скарбом арбами, то они безнадежно отстали и скользили у самого горизонта. Такого подарка, от своей незадавшейся судьбы, Мухаммед не ожидал. Однако использовал его довольно удачно, и до конца жизни удивлялся воинскому счастью.

Цепочка воинов, растянувшихся по степи, привела Махмуда в неопикуемый восторг! Но, несмотря на это, он решил ещё раз посоветоваться с братом. Батыр направил коня в сторону Барбариса и встав рядом, попытался уточнить расклад грядущего сражения:

— Брат, всё хорошо и сердце моё в предвкушении сражения! Но их так много, что я хочу ещё раз с тобой посоветоваться — как мы с ними расквитаемся за прошлые обиды? — несмотря на большой опыт сражений и личную отвагу, молодой султан слегка растерялся. Три года спокойной жизни явно отразились на его всегда воинственном состоянии.

— Безусловно, одна твоя сотня не сможет отразить этого нападения. Следует задействовать весь эль*, что наполовину укрыт от вражеских глаз в балке. Но сейчас нас враги уже видят, и мы сделаем вот что...

Развернувшись в седле и опираясь на луку седла, Мухаммед приказал:

— До балки меньше полфарсага. Когда нападающие доскачат до той отметки, где сейчас стоим, мы повернём морды коней в сторону балки и будем делать вид, что удираем. Но не пытаться обогнать этих слабоголовых недоумков. Мы пересечём линию балки и отступим на полёт стрелы. Затем развернёмся. Пока тебе всё понятно? — братишка утвердительно качнул головой и улыбнулся. Нукеры, окружавшие султана, одобрително зашумели. — Каждый джигит пустит по столько стрел, сколько успеет. Это совсем несложно. Вы видите, как они растянулись? Так вот, вы не должны стрелять в одного и того же олуха. Кто-то может пустить стрелу на четверть фарсага. А кто-то даже в курицу возле юрты не попадёт...

Дружный смех, грянувший на едкие слова Мухаммеда, показал, что их предводитель уверен в победе, поэтому с удовольствием шутит. Он нисколько не сомневается в разгроме врагов, которые скажут сломя голову навстречу своей гибели. Кроме этого, все знали, кто из них может пустить стрелу так далеко, что другим это и не снилось.

— А что потом? — это неугомонный Якуб-бек, самый лучший на саблях.

— А затем мы как на стрельбищах, будем выбивать самых ретивых и быстрых. Кто окажется впереди всех?

— Тех, у кого самые лучшие кони. А они у предводителей. Брат, ты гений! — Канбар-бий редко открывал рот. Ещё реже он кого-то хвалил. И уж совсем редко говорил приятные вещи в сторону своего молочного брата.

— Почти. Вы все поняли, чего я хочу? — султан обвёл всех тяжёлым, без единой смешинки взглядом. — Если всё получится так, как я мыслю, то мы получим большой бакшиш и надолго отвратим от нашего юрта любителей пожить за наш счёт.

Шамун-Сеид, один из приближённых воинов Мухаммеда, сын Кара-Сеида и участник всех богословских диспутов и споров, не только склонил голову, он попытался поклониться в седле, выражая особое почтение к мыслям и действиям султана. У него в голове мелькнула мысль, что два года учёбы в бухарском медресе Улугбека и рождение сына благотворно повлия-

яли на мышление султана и его возможности планировать победоносное сражение. Все остальные опять устали на Мухаммеда. Шамун-Сеид несмело предложил:

— Наиб! Если мы сейчас, на глазах приближающихся воинов, попытаемся развернуть своих коней и сделаем вид, что медленно отступаем, это будет правильно? Или мы должны кинуться отступать только тогда, когда они будут на расстоянии полёта стрелы? — Мухаммед смерил расстояние до скачущих во весь опор врагов и поддержал своего бека.

— Да, друзья мои! Нам следует сделать вид, что мы в ужасе и не знаем, как нам поступить. Давайте каждый попытается направить своего коня в свою сторону, но в основном к оврагу. Пусть наши враги думают, что мы потеряли голову от их грозного присутствия... — Все бродячие масхарабозы умерли бы от зависти, видя притворную толкотню кучки сгрудившихся воинов.

Вид мечущихся вдалеке всадников произвёл на нападающих самое благоприятное впечатление. Многие из скачущих навстречу своей гибели завизжали, другие начали нахлёстывать и без того резво бегущих коней, третьи затянули боевую песню. Никто из нападавших не подумал, куда двигается такая небольшая группа людей без вьючных лошадей и без запасных коней? Никому и в голову не пришло, что встретить в зимней степи джигитов без поклажи совершенно невозможно. Где и на чём спать, что покушать вечером, как укрыться от возможного бурана или метели? Куда денутся эти безголовые без воды? Где их нары, шатры и палатки? Где их котлы и женщины? Такие мысли, к сожалению, не посетили ни одного из преследователей.

Невероятная скачка джигитов Махмуд-султана навстречу жалкой кучке отщепенцев была настолько непредсказуемой, что сам султан не успел опомниться, как вместе со всей толпой двинулся навстречу неведомого, но такого жалкого врага. Он не успел подумать о том, что растянувшиеся по степи его войска, представляют желанную мишень для стрелков. Кто первый кинулся на горстку всадников, не обращая внимания на предводителей, никто не понял. Но никто не хотел отстать в этом стремлении отрубить врагу голову или захватить его в плен и насладиться воплями умирающего неприятеля. Махмуд-султану так и не удалось встать во главе джигитов, и он никак не мог пробиться в первые ряды преследователей. Его конь всегда медленно разгонялся. Он не был ленивый, но какой-то неповоротливый и никогда не стремился возглавить скачку. Султана это устраивало, поскольку он мог разглядеть всех врагов и выбрать того, кто послабей. Поэтому Махмуд-султан считался среди сыновей Джанибек-султана непревзойдённым мастером сабельного боя.

Первыми заметили нескольких незнакомых всадников в степи беглецы из Ясы, Бек-Атабагатур и его брат Аба-Бакр. Они обратили внимание, что на горизонте, совершенно не боясь никого и ничего, спокойно передвигаются несколько всадников. Судя по всему, они были доглядчики, поскольку ни вьючных лошадей, ни приточенного к сёдлам груза у них не было. Старший из братьев, Аба-Бакр, весело гикнув, указал младшему на всадников у горизонта и весело заорал:

— А вот и добыча! Это наверняка разведчики. Сейчас мы их поймем и спросим, откуда, куда и зачем они скачут по степи. А может они нас наведут на тех, кто их послал! — Возле Аба-Бакра мгновенно сгрудилось человек пятнадцать-двадцать. Они хотели немедленно кинуться к неизвестным джигитам.

Расстояние в степи трудно измерить какими-то отвлечёнными и сложными терминами. Поэтому кочевые узбеки никогда не измеряли его при помощи чего-то непонятного. Все было взято из повседневного обихода: один шаг взрослого мужчины; один бросок палки; расстояние, проходимое в день ягненком; обозримое расстояние; расстояние, покрываемое лошадью галопом и другие меры, были всем понятны. Незнакомые джигиты находились на обозримом расстоянии. Догнать их было можно достаточно быстро. Хотя, смотря, куда они поскачут. Но незнакомцы вели себя достаточно бесечно.

Аба-Бакр безуспешно крутил головой, пытаясь высмотреть в окружающей его толпе предводителей, чтобы хоть как-то испросить разрешение на преследование. Или хотя-бы сделать вид, что спрашиваешь разрешения. Совсем недалеко маячила добыча, и у некоторых закончилось терпение. Два джигита, стоящие ближе всех к добыче и дальше всех от Аба-Бакра, развернули коней, и залихватски гикнув, помчались в сторону восхода солнца. Нежданная добыча, разлепив почти уснувшие глаза, кинулась врассыпную. Но через малое время, они сгрудились и заметно ускорившись, поскакали на восток. К двадцати преследователям, с воплями, свистом и хорошо различимыми проклятиями ринулись все остальные. Многие так и не сообразили, куда и зачем они скачут. «Все поскакали, и моя лошадь тоже поскакала» — так впоследствии рассказывали уцелевшие сторонники Махмуд-султана. Сам он по причине своей смерти уже ничего сказать не мог.

Преследователи предсказуемо растянулись на большое расстояние. Мало кто понял, куда это они с такой скоростью летят. Совсем ничего не поняли женщины, сопровождающие свои юрты и подростки, охраняющие отары с табунами. Но, несмотря на это, они тоже стали понукаль нароров и вьючных лошадей, чтобы не остаться в стороне от дележа добычи. Неповоротливым чаще всего доставались жалкие крохи, о которых и говорить не стоило.

Больше всех от этой неразберихи злился и мало чего понимал Махмуд-султан. Он часто и подробно разъяснял всем, что нужно делать в том или ином случае. Что делать, если они наткнутся на незнакомые кочевья. Если встретят группу людей, если наткнутся на незнакомых воинов и многое другое. На языке у него были волдыри от нескончаемых наставлений. У него начинала болеть голова от странных и непредсказуемых вопросов. В конце-концов, вроде бы, все поняли свой манёвр в самых разных ситуациях. Но на деле всё скатилось к неразберихе и откровенному нарушению его неоднократных и таких понятных указаний. Рядом с ним, почти стремя в стремя, скакали два брата, Санджар-Джахан и Джахан-Бахти, сыновья Бурундук-хана. Они впервые участвовали в настоящем воинском набеге и старались держаться поближе к своему более опытному родственнику и предводителю.

Кто бывал в казахских степях, тот помнит бескрайние просторы, где глазу не за что зацепиться. Нет в степи никаких особенных примет, гор, рек или глубоких и больших озёр. Они, конечно, имеются, но их мало. Вся Великая степь, в любой своей части, выглядит точно так же, как та, которую джигиты пересекли неделю или луну тому назад. Поэтому глаза кочевых узбеков были намного внимательнее, чем непривычный взгляд городского жителя. Городской житель или житель оседлого кишлака не замечает незначительной возвышенности, он не видит ложбинки между двумя холмами. Он не видит, что на одном из холмов развалины древнего, непонятного сооружения. Но кочевник никогда не спутает это неприметное возвышение с любым другим. Он никогда не заблудится в родной степи.

Сыновья Бурундука были неопытными кочевниками. Они не понимали, в какую сторону они скачут, но это очень хорошо понимал Махмуд-султан, с детства наученный хорошими учителями и следопытами своего отца. Они ещё в детстве подготовили его к походной жизни и навыкам выживания в степи. Султан всегда мог найти дорогу до родного юрта. Он понимал, что сейчас наверняка они встретят сотню-другую джигитов из войск своего исконного врага и наконец-то он получит звание Батыра. Поскольку очень надеялся на свою руку и верную саблю. Его учителя за порогом Всевышнего будут им гордиться, когда он, в ковровом хурджуна, принесёт своему отцу головы его исконных врагов. Султан был уверен, что Мухаммеду никогда не собрать больше ста-двухсот воинов. Что никто и никогда не поддержит опальных братьев и за ними не пойдёт.

Всё в жизни когда-нибудь заканчивается, закончилась и эта дикая, ненормальная скачка. Перед глазами преследователей сгрудилась горстка джигитов, на первый взгляд не больше ста человек, которые бестолково пытались хоть как-то построиться перед грозящей гибелью. Безуспешно. Первые преследователи уже были совсем рядом. Не дальше, чем на расстоянии пяти-

сот шагов. Те позорно, бестолково толпились, даже не пытаясь пустить стрелу. Раньше надо было удирать, когда только лишь разглядели на горизонте тучу преследователей. И никто из догоняющих не подумал, почему же они такие неповоротливые...

Расстояние сократилось до четырёхсот шагов, до трёхсот — вдруг случилось неожиданное. Куча неповоротливых, тупо натыкающихся друг на друга людей мгновенно выстроились в два ряда. Первый ряд джигитов выпустил стрелы в преследователей. Заржали страшными звуками раненые лошади и завопили умирающие воины. Первыми под стрелы попали Бек-Ата и Аба-Бакр, они распластались под копытами коней. Их упавшие тела затоптали напирające лошади преследователей. Стенка лучников менялась в мгновение ока, и с каждым выстрелом прореживалась толпа преследователей. Но долго это продолжаться не могло. Слишком много было людей у Махмуд-султана, слишком они надеялись на своё численное превосходство.

Немного поодаль, чуть отстав от самых ярых преследователей, скакали сыновья Бурундук-хана. Рядом с ними, выполняя приказ своего хана, держался Ходжамкули, сын самого ханского кукельдаша. Несмотря ни на что, отец, отправляя сыновей в неизвестность дальнего похода, решил, что взрослый и опытный воин поможет его сыновьям. Несмотря на молодые годы, Ходжамкули не был никчёмным и незнающим батыром. Он уже участвовал в нескольких столкновениях и показал себя с самой лучшей стороны. Привёз большую добычу, остался жив, ни разу не был ранен. Поэтому Бурундук, отправляя сыновей, побеспокоился об их безопасности, чтобы пыл молодости и подзуживания более взрослых воинов не вызвали в них ненужного азарта.

Когда вся тысяча рванула в погоню за несколькими чужими всадниками, Ходжамкули догадался приотстать. Слишком странным всё это было. Голая степь и несколько человек без поклажи. Такие дурные люди в степи не водились. Сейчас он хвалил себя за то, что не пустил своих подопечных в первые ряды. Он хорошо разглядел, как передние, наиболее безумные или жадные, что совершенно одинаково им воспринималось, погибают под копытами коней своих сородичей. Он пытался ещё немного приотстать, но сделать это было уже невозможно. Сбоку, из неглубокой балки, выскочило не меньше пятисот всадников. Со скоростью степного пожара они разделились на две части: одна встала на пути преследователей, а вторая ударила в спину тем, кто успел проскочить эту несчастную ложбину. Ходжамкули в ужасе представил последствия этой засады. Это был конец.

Остатки тысячи кочевых узбеков оказались разделены на три неравные части. И все три под напором и стрелами неведь откуда взявшихся вооружённых до кончиков сапог воинов. Неожиданная засада внесла некоторый разброд в души преследователей, но не остановила их. Все они были воины и понимали — если сейчас не дадут отпор, то живыми из этого замеса им не выбраться. Тут уже не было единого фронта, каждый был сам за себя! Ходжамкули с сыновьями Бурундук-хана оказался в третьей группе воинов, отсечённых от основных сил орущими воинами Мухаммеда Шейбана. Теперь уже никто не сомневался, кто их встретил в безлюдной степи.

Железо против железа, сила против силы, жизнь против смерти. Смертей оказалось неоправданно много. Никто из преследователей не ожидал, что у Шахи-Бехта окажется такое обученное и многочисленное войско. Но в степи всегда так, или ты кого-то подловил и ограбил, или тебя раздели до нитки. Одним из первых потерял свою молодую жизнь Ходжамкули, которому не помогло его умение владеть саблей. Джахан-Бахти пытался отбить нападение на своего друга и покровителя, но его умения были не настолько значительны. Он оглянулся на брата, и махнул рукой в сторону обоза. Там были сменные лошади и возможность бежать от засады. Санджар-Джахан его понял. Понял он и то, что с него достаточно великих подвигов непонятно во имя чего. Они не сговариваясь, просочились сквозь редкую цепь теперь уже обороняющихся соратников и вырвались на простор. Вслед за ними кинулись десятка два их воинов.

Прихватив из обоза несколько выюков с палатками и едой, они отбили небольшой табун. Затем, нахлёстывая лошадей, поскакали по своим следам туда, откуда пришли. Санджар-Джахан оглянулся на развернувшийся за его спиной ад и решил, что им очень повезло унести оттуда ноги. Подвиги, это хорошо, когда они удачные, а такого разгрома, где можно потерять голову, никому не нужно. И пусть их потом ославят трусами, если это будет кому сделать, они останутся живы и почти здоровы. Джахан-Бахти очень кстати вспомнил, как его отец частенько рассказывал о многочисленных поражениях Мухаммеда Шейбана. Сражениях, проигранных им за недолгую жизнь. Смахнув слезу, выбитую то ли сожалением о погибших соратниках, то ли сильным встречным ветром, он постарался забыть о своей неудаче. Султан радовался сохранённой жизни и тому, что не он один бросил соплеменников погибать. Отдалившись на расстояние видимости и оглядываясь, они видели, что их обоз уже захвачен, а тут и там, в степи, мелкие группки убегающих во весь опор воинов.

Санджар-Джахан, как старший, решил, что делиться припасами он ни с кем не обязан, приказал как можно скорее покинуть это несчастное место и постараться, чтобы их никто не нагнал. До урочища отца ещё добраться нужно. А до него не меньше месяца ходу. Еда и остальные припасы закончатся намного раньше. Им придётся подтянуть пояса, если на их счастье, навстречу не попадётся какой-либо караван или возвращающееся на зимовье кочевье. Но это было уже из области счастливейшей случайности.

— Брат, теперь мы с тобой за старших. Спать нам придётся вполглаза. Некоторых воинов мы с тобой не знаем. Только десяток, который выбрался вслед за нами — те люди, что пришли с нами от отцовского кочевья. Остальные люди Махмуд-султана или совсем непонятно чьи. — Отъехав чуть поодаль, почти шёпотом проговорил Санджар-Джахан.

— Я тебя понял, брат. Но отгонять их не стоит. Если нас будет меньше, то нас и тушканчик не станет бояться. — Таким же тихим голосом поддержал его братишка. — Надо предупредить, что если кто не станет слушаться, то не получит еды. И предупредить тех, кого знаем, что они нам обязаны своим спасением.

Скоротечный разговор привлёк внимание их воинов, которые постарались приблизиться. Остальные держались кучкой поодаль, не зная, как им поступить и что делать?

— Слушайте меня все. — Властным голосом возвестил Санджар-Джахан. — Мы сейчас двинем в сторону заката с такой скоростью, на которую будут способны наши кони. У нас есть запасные, но они не все обьежены. Если кто-то из вас рискнёт сесть на необъезженного коня, то пусть постарается не отстать от основной группы. Два человека поскачут вперёд. Мой брат, Джахан-Бахти, с одним из воинов приотстанут и оповестят нас на случай погони. Остальные, те, кого я знаю и не знаю, держаться вместе и слушаются меня как своего наиба. Взамен обещаю защиту и еду. Если не хотите — степь широкая и вас никто не держит..

Никто не отъехал в сторону, каждый сто раз за время этой пламенной речи успел подумать, куда он денется в голой, зимней степи. Худо-бедно жив остался, а будет сыт или нет, это дело десятое. На худой конец есть несколько лишних табунных лошадей.

В разгар сражения к Мухаммеду подскочил спешенный Саман-Сеид и завопил дурным голосом:

— В мою лошадь угодила стрела. Что мне делать? — несмотря на то, что вокруг шёл бой, султан прыгнул со своего любимого Барбариса и передал его поводья незадачливому соратнику.

Мухаммеду удалось схватить поводья вражеского коня, взгромоздиться на него и в этот момент он понял, что выиграл довольно спорное сражение.

— Я не двинусь с этого места. Какую судьбу судит бог, увидим! — вознес молитву богу, хан экспромтом прочитал следующий бейт — вознес молитву господу всевышнему.

*О мой боже, взгляни на меня — твоего раба.
У меня — ничего нет, но все мы — у тебя во власти.
Я был горстью праха, ты сделал меня живым телом,
И явил тем самым свое искусство.
Ты, только ты мне в вере охрана,
Тебя не покину и не склонюсь к иному²*

Никто не ожидал гибели признанного вождя и вдохновителя, этого несчастного для сторонников Бурундук-хана, похода. Махмуд-султан, молодой, но опытный воин, который надеялся одним мизинцем левой руки свернуть горы и силой своего дыхания выгнать голышом в морозную степь врага своего отца, пал от руки своего тезки. Младший брат Шахи-Бехта, того, о ком так презрительно, сплёвывая тягучую слюну наземь, говорили перед походом, зарубил предводителя кара-кипчаков. Он нанёс несчастному султану такую глубокую рану на лицо, от которой вытек глаз, щека была рассечена до кости, челюсть съехала на сторону, и не стало языка. Рана хоть и была не смертельной, но воин, истекая кровью, пал на землю и был насмерть затоптан копытами коней. Бесславная гибель султана привела к полному разброду в его войсках. Никто и подумать не мог, что после полугода ежедневных восхвалений сам бахвалящийся станет мешком раздробленных костей.

Остатки войск кинулись врассыпную, довершая паническое бегство Джахан-Бахти и его брата, совершенно не думая о том, что в обозе их женщины и дети! Кому они нужны, если твоя жизнь висит на волоске? И те и другие останутся живы, женщины в шатрах и палатках победителей, а дети станут рабами и прислужниками. Всё одно, живы. А тут гибель в глазах! Никто не думал, что в обозе добра на многие и многие сотни серебряных дирхемов. Каждый думал о спасении своей жизни, совершенно забыв о великих, но скорее всего хвастливых замыслах, что бродили в их опьянённых головах накануне битвы. В очень редких случаях планы предводителей осуществляются в соответствии с их замыслами. В этом трагическом приключении, толчком к несчастью, послужили два нетерпеливых джигита, погнавшихся за птицей счастья. Но не только не ухватили её за крыло, даже не коснувшись, были растоптаны. Хотя все остальные, побоявшись упустить кулика в руке, потеряли журавля в небе.

После сражения Мухаммед Шейбани с удовольствием увидел, что не так много в его рядах павших воинов. Ещё меньше было тяжело раненых, которые не могли продолжать предназначенный путь. Он, собрав все свои поэтические способности, восхвалял муаллимов в таких степенях, что они, забыв о том, что воины и мужчины, пали на колени от умиления. Возможно, их колени подогнулись ещё от страшной усталости и предчувствия громадной добычи. Она терпеливо ждала каждого из них. Но Мухаммед, хоть и искренне благодарил своих сторонников, не торопился приступать к дележу огромного богатства. Зорким глазом окидывая обоз, он понимал, что сколько бы не ели и не пили его нукеры, всё равно это добро скоро закончится. А кормить ораву захваченных женщин и ребятишек у него не хватит средств. Память его услужливо подсказала — надо отправить их всех в Сыгнак. Там Гасава и Дамира быстро приставят их к какому-либо делу и кормить эту тучу бездельников ему не придется. Конечно, это будет похоже на рабство для женщин и детей, но что поделаешь? Не султан придумал такой порядок вещей, не ему и ломать устоявшиеся традиции.

На своих воинов, кидающих вожаделенные взоры на обоз, он прикрикнул, пообещав каждому, кого застанет с пленной женщиной в известной позе, оторвать сокровенную принадлежность. Многие недовольно зашумели — никогда раньше такого не было, добыча есть добыча. А женщины созданы для утех воинов.

² ТАВАРИХ-И ГУЗИДА-ЙИ НУСРАТ-НАМЕ. Описание сражения даётся по данному сочинению с цитатами и вставками

— От воздержания ещё никто не умирал. А мы с вами не добились остатки войска. Они могут опомниться, объединиться и напасть на нас в самый наивысший для вас момент наслаждения. Сейчас вы все под предводительством своих десятников и сотников разъедетесь по степи на четыре стороны света и попробуете оценить, так ли велика наша победа и стоит ли ждать неожиданного нападения. — Подозвав к себе сотников, Мухаммед приказал: — полфарсага на полдень, на полу ночь, на восход и закат. Всех, кого сможете догнать, вязать и гнать в наш эль. А там разберёмся, для чего они пригодятся.

Воины нехотя строились по десяткам, продолжая кидать похотливые взгляды на обоз, стоящий в стороне под охраной приближённых Мухаммеда Шейбана. Дело клонилось к скорому вечеру, и султан никак не мог понять, сколько же времени продолжалась эта сумбурная и в высшей степени удачная битва. Судя по солнцу, медленно ползущему по небосклону, никак не более промежутка между полуденной и дневной молитвой. Это было странным. Столько важных и трагических событий за столь короткое время...

Прикинув свои недавние мысли, Мухаммед решил поделить обоз на три неравные части. Самую большую долю, с вьючными лошадьми и верблюдами, отправить в Сыгнак. Вторую часть, поменьше, в подарок своей бабушке Рабии-султан. Третью, только из табунных лошадей и припасов, оставить себе. Он решил не возвращаться в Сыгнак, а двинуться в сторону Кылыч-Чабани, а затем к укреплению Тирсак и на Мангышлак. Почему он так решил, он и сам не понял. Но сражаться с неуловимыми и ничего не понимающими сторонниками Гирея и Бурундук-хана он больше не хотел. Султан не мог понять неизбывной ненависти кочевых узбеков к нему, стремящемуся к порядку в Великой степи. Эти недоумки не понимали, что только закон, порядок и уважение хотя бы к каким-то обычаям могут дать то, чего в степи никогда не было. Пожалуй, только во времена его деда, относительный порядок существовал. Но лишь потому, что дед поддерживал этот порядок твёрдой рукой и жестокими наказаниями.

Где сейчас все его приближённые или сторонники? Из детей Абулхайрхана, в живых остались лишь три сына от младшей жены Рабии, все остальные погибли. Где его внуки? Или погибли, или переметнулись на сторону если не врагов, то и не союзников. А сторонники? Где цепной пёс хана, Кобланды-батыр? Кормиться у Бурундук-хана объедками с его дастархана. Никого это не удивляет. Нет верности, нет почитания к умершему правителю и нет закона. Как установить всё это, Мухаммед пока не понимал. Единственный путь, знакомый с детства — это воля предводителя, основанная на силе. Но у него этой силы пока нет. Значит, надо её набирать. По крупницам, по зёрнышку, в мелких сражениях и стычках, используя военную хитрость. Не зря их предок, великий Чингиз, чаще всего использовал засады и другие хитрости. Почему же они все стараются бить в лоб? Так никаких лбов не хватит, можно и на том свете оказаться.

Его размышления никто не прерывал. Хорошо понимая, что султан решает сложный вопрос — с одной стороны не обидеть воинов, а с другой стороны сохранить в целости товарный вид женщин и детей. Они могут пригодиться. Такие мысли никогда не бродили в головах у кочевников. Есть, так и ослу честь. А то, что осёл от большого груза может издохнуть, никого не волновало. Другого можно найти, отобрать и опять заездить до смерти. Чего греха таить, некоторые воины так думали не только о наложницах или пленницах, но и своих жёнах. Некоторые хвастались тем, что ни разу не обратились к жене по имени. Только «Эй ты». А как по-другому? Он за жену калым заплатил. Купил, по сути дела. Так что, с купленной вещью ещё и бережно обращаться? Она моя, и всё, что хочу, то и делаю! Хочу в шелка обряжу, хочу — другу подарю. Мухаммед никогда не забывал, что Дамира, мать его первенца, тоже подарок брата Кучкунджихана.

У Мухаммеда постепенно в голове появлялись другие мысли. Они были связаны с его двухлетним пребыванием в Бухаре. Городе, где был порядок, такой дорогой и понятный султану. Там никому в голову не могло прийти, чтобы схватить женщину и затащить её в свой дом. В стойбище тоже такой порядок соблюдался, но лишь потому, что все друг друга знали и были

в большинстве своём родственниками. А с захваченными в бою женщинами не церемонились. Она чужая. А чужую вещь кто бережёт?

Такие мысли не давали покоя султану. Но он знал, что если не разрешит воинам позабавиться с пленницами вечером и ночью, то его запросто могут прирезать. Сразу отправить в Туркестан и Сыгнак пленниц не получится. Чего доброго, воины бросят его в степи, и кинутся по следам добычи, а с ним останутся лишь его братья и самые близкие из беков. Султан этого не хотел. Ладно, скоро вечер, а там всё встанет на свои места.

Четыре сотни воинов, посланных вдогонку за беглецами, вернулись ни с чем. Догнали нескольких истекающих кровью раненых, добили их, но тащить в стойбище эту пададь не стали. Кому она нужна? Далеко не отъезжали, все думали только об обозе и будущем отдыхе. Вечером был большой пир, воины радовались, что остались живы. Во время пира Мухаммед, после очередной чаши вина, которое он без стеснения пил на пирах, громко оповестил о своих дальнейших планах:

— Давным-давно, когда моё лицо было гладким и на нём не было этого уродливого шрама, а сам я был только лишь одним из многочисленных внуков Абулхайрхана, и больше никем — в этом месте своей речи он дождался негодующих отрицательных возгласов и удовлетворённо продолжил. — Тогда я жил у подножья его героического трона, в окружении большой семьи.

Немедленно все сотворили молитву, несмотря на то, что некоторые были уже полупьяные, а другие успели тайком пробраться к обозу и почесать свой блуд. Никого это не удивляло, и даже Мухаммед не сильно косился в сторону любителей утех. Лишь бы не было споров из-за пленниц. Хорошо, что их было раза в два больше, чем воинов-победителей. Для себя и своих приближённых он приказал отобрать гаремы сыновей Гирея, Бурундук-хана и других биев. Нечего простым нукерам наслаждаться красотой и умениями обученных наложниц, а ему валять на кошке грязную кочевницу.

— Брат, я помню те благословенные времена. Тогда все в Великой степи уважали нашу семью! — Не преминул поддержать старшего брата Махмуд-багатур, прикончивший предводителя кара-кипчаков.

— Тогда в урочище, расположенное в среднем течении Сейхуна, к великому Абулхайрхану с чадами, домочадцами, скудным гаремом и кучей просьб, прибыл Хусейн Байкара, нынешний правитель Герата. Его судьба так резко переменялась в лучшую сторону всего несколько лет назад, что его жизнь кажется сказкой или ожившей легендой. — Мухаммед ещё раз потянулся к кувшину с вином. В захваченном обозе было множество приятных и даже ненужных вещей. Что касается вина, то его было даже больше, чем мог предполагать султан. Дастархан был плотно заставлен пузатыми кувшинами, ляганами с куырдаком* и завален лепёшками. Правда, не свежими и мягкими, а слегка зачерствевшими. Но и они улетали с дастархана с немалой скоростью.

Все сидящие за дастарханом дружно зашумели, перебивая друг друга громкими возгласами. Никто не хотел слушать соседа, сам, надрываясь, кричал в полный голос. Чужая удача действовала на кочевников странным образом. Они все тут же начинали думать о том, как бы ограбить или разорить того, кому невероятно повезло в жизни. Не самому что-то соорудить, а отобрать, прожрать и пропить, не затрудняя себя созидательным трудом. Одно дело махать саблями, а другое — надрываться в поле, как жалкий дехканин или пасти овец, как никчёмный жатак. Никто и никогда, кроме Мухаммеда, в последнее время не задумывался о том, что станет с ними, когда оседлые народы отгородятся от кочевников высокой стеной и не пропадёт счастливая возможность их грабить.

Шум перекрыл голос Канбар-бия. Стоило ему открыть рот, как самые крикливые или самые пьяные мгновенно замолкали. Мухаммеда Шейбана, знаменитого внука великого Абулхайрхана боялись и слушали даже меньше, чем его кукельдаша.

— Судя по всему, брат мой, ты уже придумал, что будешь делать дальше, и куда поскачет твой резвый Барбарис? — кукельдаш не напрягал горло, но даже самые пьяные или задиристые джигиты умолкли и попытались насторожить уши.

— Я не зря вспомнил султана Хусейна. Захватив Герат и обосновавшись в Хорасане, он обратил свой завидущий взор на земли Хорезма и туркменские степи. На них он не имеет никакого права. Ни по рождению, ни по обычаям. Я решил отправиться на Мангышлак. — Буря, поднявшаяся за султанским дастарханом, достигла котлов простых воинов и они решили, что первая удача, вылившаяся в огромный, богатый обоз не последняя в их жизни. Скоро, очень скоро они станут ещё богаче.

— Да благословит Всевышний твои замыслы! — Якуб-бий опрокинул в сою глотку очередную чашу с вином.

— Мы всех поставим на колени, в том числе и несчастного тимурида — вторил ему кто-то от соседнего костра.

— Нам некого бояться, мы всех победим... — кто-то внезапно забыл, что это всего лишь первая значительная победа Мухаммеда Шейбана.

— Завтра мы разделим обоз на три части. Припасы и табуны заберём с собой, они нам понадобятся в долгой дороге. Пятьдесят воинов с большей частью обоза отправятся в Сыгнак. Остальную добычу я отправлю к своей бабушке Рабие Султан-бежим. — В этом месте раздались недовольные возгласы. У Рабии трое сыновей, и ни одного из них не было рядом с победителями, зачем же делиться? Лишь только Махмуд и Канбар-бий поняли далеко идущие планы своего старшего брата.

Не поделишься удачей с близкими или союзниками сегодня, завтра она от тебя отвернётся и никогда больше не заглянет в твою опустевшую юрту. Мухаммед давно это понял и грозно цыкнул на джигитов, недовольных его решением. Мало он им передал добычи, чтобы они начали спорить с султаном и своим наибом? Мог бы совсем не делиться, но тогда от него ушли бы самые жадные и нестойкие. Их везде хватает. Махмуд-султан закивал головой, потом лениво поднялся от дастархана и подошёл к соседнему костру, где недовольные орали громче всех. Он ткнул камчой в одного из воинов, и грозно сдвинув брови, спросил:

— Ты сколько раз сегодня в обоз сходил? Считать можешь? Если можешь, то ответишь. Ты ещё не женат, я это знаю, а сегодня без калыма и подарков несколько раз сходил туда-обратно. И, думаю, каждый раз выбирал новую женщину. А теперь больше всех орёшь. Я не говорю про твою совесть. Судя по всему её нет, и никогда не было! Я спрашиваю, чем ты недоволен? Я тебя в сражении не видел, но ты сидишь за богатым дастарханом. Жрёшь свежую баранину и пьёшь вино, которое правоверному мусульманину должно быть противно. Не хочу говорить то, что понятно любому из пятисот воинов — сегодня вы победили благодаря нашему предводителю, но вместо того, чтобы славить его и благодарить, вы выражаете неприкрытое недовольство. Глупцы! — спорить с братом султана никто не решился. Не потому, что боялись Мухаммед-султана, боялись самого Махмуда-багатура. Многие видели, что именно он зарубил предводителей вражеского войска.

— Простите, наиб! Я потерял голову от изобилия. И мне кажется не совсем справедливым... — заблеял униженным голосом незадачливый любитель женских прелестей.

— Тебя не касается делёжка добычи! Также она не касается ни одного воина, кроме родственников и приближённых славного Мухаммеда Шейбана. Всем понятно? Или для наиба требуется ваше особое позволение в распределении захваченных богатств? — ни голос, ни взгляд Махмуда не предвещал ничего хорошего для недовольных пирующих.

Одно дело участвовать в сражении, другое, пытаться влезть в делёжку добычи. Добычу всегда делили главы племён, простые воины довольствовались тем, что им перепало от щедрот вождей и предводителей. Но в таком составе аргуны и другие племена впервые собрались вместе. Мало кто хорошо знал Мухаммеда и его брата. Их почти три года не было в Великой

степи, вот и решили простые воины — была не была, вдруг дадут слабинку эти, почти пришлые, студенты медресе. Почему-то у некоторых была твёрдая уверенность в том, что мужчина, держащий калам* в руке, не может держать саблю, а под их напором, отступит от своих прав. Но попытка переиначить вековые традиции не удалась. Все притихли.

Мухаммед встал из-за дастархана вслед за своим братом. Пирующие, на всём протяжении стоянки, у каждого костра насторожились, ожидая решения вождя.

— Кто недоволен моим решением, может тут же встать от дастархана, погрузить на свою лошадь, с которой пришёл, свои пожитки и отправиться восвояси. Он уже получил от меня всё, что ему причитается. Остальные впредь будут слушать не только мой голос, но и мой шёпот. Если кто забудет это, лишится головы. Противоречий не потерплю. Я внук Абулхайр-хана, которому никто не перечил. Запомните, и передайте тем, у кого уши залиты даровым вином и воском разудалых утех!

Зимнее солнце с высоты своего положения разглядывало три каравана, где один двигался строго на запад, другой на восток, а третий на северо-восток.

Глава четвёртая

Чуть больше семи лет минуло с тех пор, как Хусейн Байкара, сын Гияс-ад-Дин Мансур Мирзы и его жены, Фирузы Султан бегим, стал безраздельным правителем всего Хорасана и славного города Герата. Этот город был сверкающей жемчужиной среди городов Востока и Запада, да что там говорить — всего подлунного мира. Чего стоил комплекс зданий — мечеть, медресе и мавзолей, построенный по приказу Гаухаршад-бегим, жены тимурида Шах-руха! Эти грандиозные сооружения вызывали острую зависть у нового правителя, несмотря на её горестную судьбу. Женщина, построившая это великолепное сооружение, была казнена на восьмидесятом году жизни своим двоюродным внуком Абу-Саидом. Султану Хусейну хотелось повторить подвиг убитой женщины и он, вроде бы, взялся за дело с нужной стороны. Однако полученные результаты пока были довольно плачевные и почти незаметны окружающим.

Тимуриды, едва дождавшись смерти эмира, начали бесконечно враждовать друг с другом, хотя довольно трудно было понять истоки этой ненависти. Первого же наследника, сына Джахангира Пир-Мухаммада, назначенного правителем, незабвенным предком Тимуром, убили его приближенные по указу кого-то из братьев или дядюшек. Тайна сего гнусного преступления была покрыта непроницаемым слоем мрака! Ни единый луч правды не пробивался сквозь него. Сын мог убить отца, брат покушаться на брата, да чего далеко ходить — даже старые женщины мешали правителям вольготно жить! Сам Байкара воевал с Абу-Саидом не на жизнь, а на смерть. Но только гибель врага дала возможность Хусейну захватить Герат. В день коронации, близкий друг султана Байкары, Алишер Навои, произнёс прочувствованную речь и подарил ему касиду «Хилалийа».

*«Как только оранжевое солнце скрыло свое сияющее лицо.
Небосвод показал в кольце своей небесной сферы
отражение подбородка моей возлюбленной.
Нет, это был только отблеск мечты, по ней,
но такой на редкость светлый и яркий,
Что взоры очей то замечали, то не замечали
деликатность света луны.
И луна показалась так, что заметившие ее люди сравнивают
Начертание ее то с бровями моей возлюбленной,
то с моим станом, согнувшимся для поклона,
Или это петух небосвода отразил в нем
начертания своих перьев,
Или Бахрам отразил на небе отблеск своего меча,
Или упала на небо золотая (букв, «сверкающая».
подкова с наконечника знамени,
Когда сверкающее солнце перевернуло свое знамя,
Или для кисти Меркурия не хватило золотых красок,
так что он на небе
Или небосвод, согнув свой стан, принес целую связку луков
И желает служить в войске у великого царя Дария.³*

³ Навои, Чахар диван, л. 178

Такое поэтическое сочинение привело в восторг всех окружающих. С этого дня, Султан Хусейн, стремился окружать себя не только поэтами, но художниками, зодчими, каллиграфами и другими людьми искусства. Байкара смог не только удержать в Герате Камалиддина Бехзада, он даже умудрился не мешать его продвижению. Этот талантливый юноша рано остался сиротой, но под покровительством Миракома Наккашема Хорасани — главы местной придворной библиотеки с мастерской по переписыванию и украшению рукописей, усвоил его уроки и стал практически незаменимым. Едва достигнув двадцати лет, молодой художник по праву стал занимать весьма почётное место среди местных живописцев. Хусейн Байкара решил ничего не менять в сложившейся ситуации и поддерживать людей искусства всеми силами.

Ему удалось начать строительство медресе, дабы не отставать от своих предшественников. Чтобы никто не посмел сказать, что Хусейн Байкара пришёл на всё готовое. Но при его правлении, науки и искусства захирели и пришли в упадок. Нет, он старательно вникал во все детали искусства, вплоть до того, что сам продолжил писать газели и касыды. Нельзя сказать, что они отличались от многих других особыми достоинствами, но уж точно были не самыми худшими.

В повседневной жизни Хусейн, лишённый в юности не только роскоши, но даже обычных удобств и достатка, окунулся в изобилие одного из самых блестящих дворов Востока. Дворец, доставшийся Байкаре от его предшественника, он не стал перестраивать или сносить, как делали многие до него. Султан каждодневно старался украшать его и доводить до совершенства. Хусейн, возраст которого приближался к сорока годам, был полон сил и грандиозных замыслов. Помешать ему никто не мог. Правители Самарканда, последние тимуриды, несмотря на свою молодость, были беззубыми шакалами, не способными ни на какие подвиги. Они выросли в неге, под защитой своего отца, грозного Абу-Саида. В настоящее время они не жили на коврах его наследия, ничего не предпринимая для укрепления своей власти.

Дети Абу-Саида расселись в Мавераннахре на престолы разных вилоятов и городов, уверенные в своей несокрушимости. Байкара под шумок, потихоньку-полегоньку, оттяпывал вроде бы бесхозные куски земель, лежащие между Джейхуном и Гирканским морем. Там издавна селились воинственные и никому не подчиняющиеся тоурменские племена, тесно связанные с хорезмийцами и иранцами. При Тимуридах они отчаянно сопротивлялись нашествию с востока и при первой же возможности скинули ненавистное ярмо завоевателей. Именно поэтому Хусейн Байкара решил, что следует восстановить правление тимуридов на этой территории, уж если правители Самарканда не хотят смотреть в ту сторону. Попытка усмирить тоурмен удалась и вплоть до Хорезма и Гурганджа установилась его законная власть.

Но совсем недавно прискакал гонец со странным донесением, посланный хакимом Ургенча. Из небытия выскочил внук Абулхайрхана, Шахи-Бехт. Именно у этого кочевника Хусейн безуспешно просил помощи в борьбе с Абу-Саидом. Но напыщенный, хотя изрядно помятый своими же соплеменниками, Абулхайр витиевато, но гордо и наотрез отказал ему в такой малости. Какую же смешную отговорку придумал — он-де женат на тимуридке, а его дочь замужем за Абу-Саидом? Да кому и когда такие мелочи мешали ввязаться в битву, сражение или войну? Просто не хотел... Эти грустные воспоминания о былых невзгодах не сразу позволили уловить то, о чём доносит гонец Абдалхалик-бека, хакима Ургенча.

В своё время этот бек не отличался особенными талантами полководца или хотя бы значительной родовитостью, но Хусейн вовремя вспомнил, что его предок Тимур, тоже вышел почти из народа. Однако Тимур всячески пытался подчеркнуть своё мнимое, ничем не доказанное родство с Чингизханом. Смешно и грустно. Для чего великому человеку присваивать себе то, что и так появилось у него в силу открывшихся возможностей. Так и Абдалхалик-бек. Если в Герате его затирали громкоголосые и разодетые в пух и прах придворные, то в Ургенче, далеко от дворцовых интриг и сплетен, ему удалось показать свои скрытые до времени способности.

Абдалхалик-беку удалось укрепить стены города и если не создать боеспособное войско, то по крайней мере не кланяться без конца нукеров и припасы на их содержание. Купцы и простые ремесленники, под его управлением, не роптали на большие налоги и поборы. Правда, в других городах случались волнения. Но простые обыватели всегда недовольны. Ищут любого случая, чтобы не работать, а веселиться и бездельничать. Когда из Ургенча добрался гонец, то Хусейн в силу своей загруженности, не обратил внимания на содержание донесения. Поскольку само сообщение было довольно расплывчатым и совсем не угрожающим.

«С именем Аллаха, Милостивого и Милосердного!

Великий хан и повелитель дня и ночи!

Здоровья вам и благополучных дней на многие годы вперёд и сладостных мгновений на протяжении всей жизни! На просторах ваших владений, простирающихся от солёного Арала на севере до горячих песков Мазендарана на юге и с востока на запад от Китая до Гиркана всё спокойно и благополучно! В городе, который вы со всей щедростью и великодушием передали под моё ничтожнейшее управление всё спокойно! На протяжении нескольких лет и благодаря вашему покровительству ремёсла и торговля процветают, а простые дехкане с утра до ночи благословляют ваше правление!

Но позвольте мне огорчить вас и привлечь ваше благосклонное внимание к тому событию, которое хотя и недостойно вас, но я со всей своей предусмотрительностью должен о нём поведать. Из даштикипчакских степей выполз на свет и проявил себя как злобный и дерзкий завоеватель, внук давно почившего и отправившегося в сады Всевышнего Абулхайрхана его внук, Шахи-Бехт. Давно о нём никто не слышал, но вот год назад это порождение ада оказалось недалеко от ваших владений. Мне доподлинно известно, что прошлой зимой в год огненной обезьяны и обосновался в местности Кылыч-Чабани. Это одно из отдалённых от изобильных и приятных мест ваших владений. Но спешу донести до вашего благословенного внимания, что люди, пришедшие с Шахи-Бехтом, бесчинно ведут себя на пограничных территориях и устанавливают свои порядки.

Мы не пытались без вашего участливого благословения начинать против них военные действия, но некоторые лазутчики доносят мне, что кочевые узбеки, захватившие Кылыч-Чабани, собираются двинуться дальше, в сторону крепости Тирсак. Очень прошу разъяснить мне дальнейшие действия по отношению к пришлым воинам, поскольку сам не располагаю соответствующими и нужными для их разгрома силами.

С бесчисленными пожеланиями благополучия и здоровья хаким Ургенча Абдалхалик-бек. Писано в год Петуха на пятый день месяца бугу».

Послание Абдалхалик-бека, прочитанное Хусейном, не произвело на него никакого впечатления. Мало ли кто кочует по приграничным территориям? Обращать на всех внимания никаких сил не хватит. У него не самые лучшие отношения со старшим сыном, да и многочисленные наложницы покоя не дают. То одна на другую покосилась, то места возле бассейна не поделили. То младшей, любимой на тот момент жене, показалось что другая получила больше подарков. От этого голова шла кругом, но Хусейн нашёл очень простой выход из положения. Он закрывался в своих покоях, якобы на совет со своими визирями и сановниками, и напиившись запрещённым вином. Это занятие приносило ему умиротворение. Вскоре Байкара заметил, что некоторые его приближённые ждут момента его опьянения, чтобы подsunуть на подпись какой-либо несуразный документ.

Именно из-за этой скверной привычки султана, подал в отставку его друг и соратник Алишер Навои. Несколько раз визирь начинал занудные разговоры о том, что не нужно уходить в пьяную нирвану от повседневных занятий. Если регулярно так поступать, то когда-нибудь все эти действия доведут правителя до гнусного преступления! Тогда Хусейн окажется

один на один со всем жутким миром, окружающим его. Но султан, высоко взлетев, падать не собирался. Он не слушал неприятных речей. Мрачными и грубыми были слова старшего сына Бади-аз-Заман Мирзы и друга Алишера. Сына он отослал на юг, а Алишера удалил от двора. Но звания не лишил. Последнее время султан не любил долго думать о каком-то одном деле. Необоснованно надеялся на то, что для повседневных дел у него полно людей. Именно они, визири, наибы, эмиры и даже писцы, должны думать обо всех мелочах. А он должен думать и беспокоиться о великих, значительных делах. Он плохо понимал, что именно из мелочей и крохотных делишек складывается система управления. Что иногда маленькая песчинка вызывает в горах грандиозный обвал, приносящий страшные бедствия окружающим.

Именно такой песчинкой впоследствии оказался, совершенно никому не нужный и почти забытый, Шахи-Бехт. Почему-то окружающие начали называть его Мухаммедом Шейбани. Байкара помнил те несчастные полгода, которые он провёл у своего, якобы друга и союзника Абулхайрхана, но он совершенно не помнил его внуков. Сыновей ещё как-то научился различать, было их около десятка, а вот внуков было намного больше. Все они роились возле своего деда, мелькали надоедливymi мошками перед глазами, но в памяти нынешнего правителя Герата не остались. Именно в такое несчастливое время для Абдалхалик-бека, пришло его послание в Хорасан и осталось без внимания не только султана, но и тогдашнего визирия и даже начальника всех писцов, ответственных за государственные послания. Никто не удосужился ответить ретивому хакиму.

Абдалхалик-бек, подождав определённое время, получил сообщение. В нём ни единым словом не упоминался внук Абулхайрхана. Хаким решил больше не беспокоить по данному ничтожному поводу, занятого сверх меры, большими делами, султана. Какими неисповедимыми путями пролагает себе дорогу история стран, государств и великих людей, никто не может предположить. Никто не знает, какая песчинка даст ход той или иной линии в истории...

Путь через высохшее русло великого Джайхуна, по воле Чингизхана, несущего свои величественные воды не в Окситанское озеро, а Гирканское море, породил у Мухаммеда Шейбана невесёлые размышления о бренности всего сущего. Он размышлял о том, что даже великая река, веками текущая по своему пути, может пойти другой дорогой. Следует только приложить к этому силы. Каждый путь, каждое действие — это разные силы. Да и результат будет разный. С какой целью Чингизхан развернул эту реку к Гирканскому морю? Ответа на этот вопрос Мухаммед не знал.

— Алибек-ата, ты всё знаешь! — пытаюсь разрешить противоречивые мысли, начал разговор султан. Он уверенно сидел на спине своего неизменного Барбариса. Справа и слева шагом ехали его соратники. — Ответь мне на такой вопрос. Зачем Чингизхану понадобилось уводить русло Джайхуна в сторону Гирканского моря? Или в этом был стратегический смысл?

— Мой султан! Кто же может знать мысли великого правителя, жившего почти триста лет назад? Кое-что я читал в старых книгах, что-то сохранилось из рассказов стариков и передаётся из поколения в поколение. Но чаще всего такие рассказы чистый вымысел и верить им нельзя. — Алибек-ата, неизменный спутник Мухаммеда во всех походах, лениво пожевал губами и затаил на некоторое время, ожидая нового приказа правителя.

— Мне не нужны волшебные сказки или нелепые домыслы акынов, мне нужна хотя бы половина правды. Надо же знать, чего можно ожидать от природы и от этой бешеной реки. Правда, её пока не видно.

— Не думаю, что мы её скоро увидим. Она давно разбита на множество каналов и арыков. Полноводная река расплзлась по огромной территории, орошая поля дехкан и насыщая окружающие земли живительной влагой. Хотя основное русло делится на два рукава — Дарьялык и Даудан. Они впадают в Сарыкамышское озеро. Его восточная часть пологая, а западная скалистая и возвышенная...

— Мне не нужно знать про Сарыкамышское озеро, я хочу знать, каким образом Джейхун, эта бешеная и полноводная река, превратилась в массу арыков и ручейков. — Продолжал упорно гнуть свою линию Мухаммед.

— Разговор предстоит долгий и на ходу трудно объяснить все перипетии, которые перенесли жители Ургенча и предки хорезмийцев, во времена захвата этих земель Чингизханом. Вот остановимся на отдых и на привале я всё подробно расскажу. Даже покажу примерную карту того, как всё происходило. — Отговорился Алибек-ата. Не потому, что не хотел рассказывать. Он надеялся вспомнить все, даже незначительные детали, связанные с изменением русла полноводной реки.

Недолго думая и надеясь на познавательный рассказ и пополнение своих знаний о народах и государствах, которые он собирался захватить, Мухаммед скомандовал. Все обрадовались очередному привалу, незапланированному отдыху, до завтрашнего утра. Вдалеке, на расстоянии половины фарсага, возвышался высокий холм со странными развалинами на гладкой вершине. Справа тянулся арык, выложенный по дну голышами. Вдали, на расстоянии видимости, вырисовывались очертания невысоких строений. Мухаммед знал, что у них достаточно провизии и есть вода. Поэтому он не разрешил своим нукерам трогать несчастных дехкан. Иногда он бывал великодушным. Всё зависело от его настроения и наполненности походных хурджунов. Предыдущему селению не так сильно повезло. Мухаммед обобрал его до нитки. Хорошо, что с женщинами своим воинам шалить не разрешил. Сейчас он хотел знать всё о Джейхуне, о блуждающей, бешеной реке.

За обильным дастарханом Алибек-ата начал свой длинный рассказ, перемежая его показом карты и вставками из легенд. Куда же во время привала без них? Но начал свой рассказ летописец с простого вопроса:

— Кто из вас, многоуважаемые беки, прочитал труд великого Джувейни, «История завоевателя мира», о предке вашем Чингизхане и его потомках?

— Стыдно нам, Шейбанидам, не знать о тех людях, кто является нашим прародителями. — Мгновенно отозвался султан. — Вы все знаете, почему я решил назвать себя Шейбанидом. Это не совсем правильно, Джувайни называет его Шибакан. Хотя я считаю, что лучше так, чем считаться непонятно кем. И мы, и все главы узбекских племён, чингизиды. А спроси их, кто их прародитель, мало кто ответит. А мы — Шейбаниды и никто с этим спорить не станет.

— Но чем Шибан отличался от других внуков великого Чингиза? — продолжал настаивать Алибек-ата.

— Как чем? Воинственностью, успехами в военных походах и множеством потомков. Особо отличился Шейбан, когда его, брат Бату, послал против келаров* и башгирдов*, с которыми он успешно воевал. У Шейбана было восемь сыновей, однако Джувайни о них не пишет подробно. Он говорит лишь о том, что его сын Ибрагим, стал основателем нашей ветви в родстве. Но если перечислять всех внуков, правнуков и остальных родичей, то в Великой степи места не останется для других славных батыров. Алибек-ата, сколько я не роюсь в своей пустой голове, но так и не могу вспомнить, писал ли Джувайни о взятии Ургенча и о перекрытии русла Джейхуна?

— Вы правы, мой султан! Об этом есть только легенды и сказания. У Джувайни об этом сказано вскользь, как о событии, не имеющем никакого значения для дальнейшей войны. А всё от того, что людям, живущим на территории Хорезма, было наплевать, кто стоит у них над головой, поскольку налоги надо было платить всем подряд — хоть мусульманам, хоть язычникам, поклоняющимся Тенгре. — Разгрызая крепкими зубами нежные бараньи косточки и хрящики, летописец сыто рыгнул и потянулся к большой пиале с наваристым бульоном.

— Так куда делась река? — Канбар-бию тоже стало интересно, куда могла запропасться бурная и широкая река:

— А вы слушайте. — Вытирая грязным рукавом рот, продолжил Алибек-ата, сощутив и без того узкие глаза. — Жители Ургенча так яростно защищали свой город, что Чингизхан велел соорудить плотину из брёвен и веток. Но даже отсутствие воды не испугало защитников. Как-то так случилось, что Джучи, старший сын Чингиза, самовольно приказал разрушить плотину, чтобы затопить мятежный город. Но случилось то, чего никто не ожидал. Водный поток, бурный и сметающий всё на своём пути, ринулся не по старому руслу, а на запад, в каналы и арыки, прорытые усердными дехканами.

— Неужели всё так и случилось? — недоумение Якуб-бека было неподдельным.

— Не веришь — оглянись назад, мы прошли по глубокому ложу реки. Оно пустое, нет даже крохотного ручейка. Ты видел, что там когда-то были дома, но они уже давным-давно разрушены. И только степной ветер выдувает остатки уюта из брошенных жилищ.

За дастарханом все притихли. Кто-то думал о родстве с великими правителями мира сего, кто-то размышлял о людях, ушедших в неизвестность, поскольку место превратилось в безводную пустыню. Мухаммед думал о жалком человечке, повернувшем реку вспять и перевернувшем жизнь нескольких поколений с ног на голову. Он помнил, как они проходили по обжитым местам, где двести лет назад даже перекасти-поле стремились убраться подальше. Теперь в этих местах рос виноград, цвели сады и колосились поля ячменя, проса и пшеницы. Изобильные огороды давали морковь, репу, редьку и многое другое. В кишлаках были и кузнецы, и гончарные мастерские. Даже богатые дома, в которых путники могли остановиться на ночь. Торговля процветала.

— Учитель, как вы думаете, возможно ли, что люди придут обратно, если вернётся река? — неуверенно спросил Махмуд-багатур.

— Это будет ещё одна трагедия для всех живущих здесь. Вы только посмотрите вокруг. Всё, что сделано за двести лет, придётся бросить и переселиться на новое место, а там всё начинать сначала. Кто знает, на какой год дают плоды урючина, яблоня и виноградник? — никто на такой вопрос ответить не мог. Хотя все ели абрикосы, лакомились виноградом и пили сладкое вино.

— На пятый-десятый год после посадки. И это только в том случае, если тщательно ухаживать, а в засушливое время года поливать деревья с кустарниками. Кустарники быстрее начинают плодоносить, но обильного урожая скоро ждать не приходится. — Уныло закончил свой рассказ Алибек-ата.

Мухаммед-султан сделал глубокую зарубку на память. Любой результат приходит не сразу. Дерево надо поливать и ухаживать за ним. То же самое касается и его войска. Воинов надо обучать, их надо кормить, давать им возможность отдыхать, развлекаться. Да и одежда стоит значительных средств. Больше всего денег уходит на вооружение. А чего стоит заставлять молодых нукеров ухаживать за лошадьми и тренировать своё воинское искусство? Каждый хочет стать батыром, но махать саблём с утра до дневной молитвы, мало кто может и хочет. Так и у дехкан. Но у них разные занятия и неизвестно, какое из них сложнее.

Взгляд его остановился на плоской макушке холма с разрушенными строениями на вершине. Султан смерил глазами расстояние и прикинул — если взобраться туда, то насколько далеко можно увидеть окружающий мир? Оглядев своих соратников, он, ткнув в кукельдаша и брата, скомандовал:

— Возьмём десяток лучников и отправимся наверх. Я хочу посмотреть, что там находится. — Повернулся в сторону Алибека — учитель, вы не хотите увидеть окрестности с высоты полёта птицы? Да и что там такое было построено, мне тоже интересно.

— Конечно, сын мой, я не против. — То, что Мухаммед обратился к нему как к учителю, теперь позволяло обращаться к султану именно так. Тот покровительственно кивнул.

Группа воинов долго взбиралась по отлогому холму. Кто-то отфыркивался, кто-то недовольно кривился — пришло же в голову султану зачем-то лезть на этот никому ненужный холм. Ну и что из того, что там какое-то древнее строение? Вон по старому руслу Джейхуна строения, любуйся, сколько душе угодно!.

Сам Мухаммед тоже не понимал, чего это ему вздумалось лезть вверх по склону холма? Никогда он не любил ни гор, ни возвышенностей, поскольку хорошо понимал, что любое изменение местности и появление возвышенности, это возможность спрятаться врагам, а затем внезапно напасть. Так и здесь. Но холм был очень значительный. Чтобы подняться на него и спуститься времени уйдёт довольно много. Да и коням по такой ноголомной круче не взобраться на вершину.

— Домла, вы знаете, как называется это сооружение? — спросил султан, когда они расположились внутри высоких пахсовых* стен.

— Ни для кого это не секрет. Вы все знаете, что до того, как местные жители и другие народы, в том числе и кочевые узбеки, приобщились к единственной правильной вере во Всевышнего, местные жители были язычниками и верили во многих богов, окружавших Ахурамазду. Зороастр, проповедник, родился, жил и умер именно здесь... Хотя не совсем так. Его начали преследовать местные правители, и он бежал в Иран. Иранцы-персы, дольше всех были зороастрийцы. Даже сейчас среди горных иранцев встречаются верящие в Ахурамазду.

— В этом месте? — перебил Алибек-ату любопытный и несдержанный Якуб-бек. Он затаённо улыбался, думая, как он будет всех смешить глупым подъёмом на высокий холм.

— Точно никто не знает, где он умер. Кто-то уверен, что он вознёсся на небо, а кто-то уверяет, что его следы затерялись в Персии. Но Шылпык, так называют местные это сооружение, уверены, что его земной путь окончился именно здесь.

Султан удивлялся тому, какие просторы раскинулись вокруг. Он даже попытался различить на горизонте старое русло реки, но видимо, глаза его обманывали. Слишком далеко они отъехали в своих путешествиях. Бескрайняя, голая равнина, где встречались такие холмы — выше, ниже, но их было довольно много. Жалкие ручейки воды, по осеннему времени почти незаметные, пересекали равнину с запада на восток, но иногда и в других направлениях. Почти год прошёл с того времени, как Мухаммед оставил Сыгнак и теперь бродил, но не по Великой степи, а по мало обжитым местам. Он хотел знать, и знать доподлинно, где выгоднее и удобнее обосноваться? Но пока не находил такого места.

Все оазисы были давно захвачены и облюбованы его сильными соперниками. Никто не стремился делиться своими угодьями. Отобрать что-то достаточно привлекательное Мухаммеду не удавалось, а возиться с жалкими и нищими дехканами, ему не хотелось. Они сами себе не нужны, не то что кому-то из сильных предводителей. Себя Мухаммед слабым не считал и надеялся, что на берегах Джейхуна ему повезёт больше. Но ошибался. Трагедия двухсотлетней давности перечеркнула его золотые мечты о внезапном и огромном богатстве. Теперь двигаться только в сторону Мангышлака. Именно там начинаются владения Хусейна Байкары.

Взять Ургенч ему не удастся, а вот другие мелкие городки ему по зубам. Надо сосредоточиться на том, как описывают историки взятие городов его предком Чингизханом. Но пока султан не стремился к великим завоеваниям. Понимал, без верных союзников далеко не уйти, как не ускакать на хромой кобыле от погони. Он смотрел в горизонт и пытался пронзить взглядом пространства, лежащие вокруг. Нукеры и соратники притихли. Они, как и Мухаммед, смотрели на мир и удивлялись тому, что и в этих убогих местах живут и выживают люди. Насколько Великая степь богаче и изобильнее, понимали все. Но каждый из них, особенно сам Мухаммед, знали, что в Даштикипчаке ему места нет. Всё захватили потомки Урус-хана, Гирей и Джанибек. Да что об этом тужить? Сделанного не воротишь и потерянную власть не восстановишь.

На этой возвышенности мысли султана покатались осенним ветром дальше. Он подошёл к самому краю площадки и тронул носком сапога небольшие камушки. Те покатались вниз,

увлекая за собой не только камни, но и песчинки, и незначительный щебень. Да, именно так, чем крупнее камень, тем большую массу песка и пыли он увлекает за собой. «Я должен стать сильным. Не время думать сейчас о богатстве, жёнах, гареме и утехах. Я пока маленький камушек и песчинка вокруг меня немного. — Думал султан, вглядываясь в воинов возле подошвы холма. — Но если раньше возле меня было десять-двадцать воинов, то теперь со мной пять сотен. Это хорошо, но их должно быть пять тысяч. Или пятьдесят». От такого значительного числа у него зачесалась голова под малахаем и он, сдвинув его на сторону шрама, весело оглянулся:

— Мы не станем здесь задерживаться. Мы двинемся в сторону Мангышлака. Перезимуем там, а потом подёргаем Хусейна Байкару за его усы! Говорят, он сильно увлекается вином? Правоверный мусульманин не должен этого делать. — Изменение настроения и внутреннего состояния предводителя передалось и его соратникам.

Махмуд первым из всех понял — что-то такое произошло на вершине холма. Что-то пришло старшему брату в голову, особенная мысль, изменившая его состояние. Возможно, толчком была гора, река, или безграничные дали привели к полёту его грандиозных замыслов. Махмуд, находясь в тени своего брата, несколько этим не тяготился. Поскольку в голове у его старшего брата замыслов немеряно и почти все они осуществимы. А будет нужен меч, сабля или другое оружие, Махмуд-султан всегда сможет прикрыть ему не только спину, но проложит путь к цели и спасёт от предательства и измены.

Алибек-ата давно забыл то время, когда он, гонимый нечестными хозяевами, забитый пищик, стремился пристроиться в жизни. Тщился накопить на убогую старость несколько динаров. Теперь, сопровождая Мухаммеда во всех его походах, его повседневной и военной жизни он понимал, что его жизнь закончится тогда, когда оборвётся нить жизни самого Мухаммеда. Или придёт его естественная пора отправляться к порогу Всевышнего. Алибек-ата не страдал от этого, поскольку всегда, каждый миг, находился за спиной правителя пока лишь небольшого отряда. Но надеялся, что со временем будет стоять за спиной Мухаммеда, восседающего на троне. Он верил в путеводную звезду своего султана и поэтому скрупулёзно записывал не только слова Мухаммеда, но описывал его спутников и их действия.

Внимательно читая жизнеописание великих правителей древности и сравнивая с тем, которое он ведёт, Алибек понимал, что его жизнеописание имеет больше ценных наблюдений и описаний, чем напыщенные и вычурные сочинения некоторых бумагомарак. Он не стремился к возвеличенному слогу. Мухаммед этого терпеть не мог. Алибек-ата не приукрашивал действительность. Он лишь изредка добавлял затейливые эпитеты, но не наваливал их сверх меры. Летописец всегда помнил, что в любой момент Мухаммед может заглянуть в его записи. Не приведи Всевышний, если султану что-то не понравится. Но пока никаких значительных нареканий султан не выказывал и Алибек продолжал стоять за спиной своего повелителя.

Глава пятая

Каждый отрезок времени в истории или жизни отдельного человека — это веха, которая является следствием конкретного события и в то же время причиной того, что может произойти в будущем. Человек часто не замечает, что с ним произошло значительное событие. Лишь по истечении времени он начинает думать и говорить о нём, как об эпохальном приключении в своей жизни. Никто не может заранее сказать, к чему приведёт рождение ребёнка. К его становлению как великого правителя, или к преждевременной смерти от весеннего поветрия? Одни лишь предсказатели, обманщики и лицемеры, задним числом утверждают, что ещё при рождении младенца, только что появившегося из утробы матери, они ясно дали понять всему миру, что появился батыр или правитель, равного которому нет и не было во все времена. Что узрели на сморщенном челе ребёнка божественную печать. Начинается подтасовка фактов, придумываются несусветные объяснения исключительности или особенности откровений оракула. На это враньё быстрее всего откликается сам «великий правитель». Но всё впустую.

Многие люди, бывшие знаменитыми при жизни и у всех на слуху, после смерти оболганы или намертво забыты не только потомками, но и своими собственными детьми. Поскольку потомки не выполнили заветов отца. Перессорились, передрались, а хуже того — переженились во втором колене друг на дружке, что значительно хуже неприкрытой вражды и убийства. Все предсказатели лишь хитрые манипуляторы. А люди хотят верить тому, что им навевает в уши поднаторевший в обмане, записной плут. А не осуществилось предсказание, так в оправдание идёт всё, начиная от фазы луны и заканчивая тем, что юрта стояла не точно по сторонам света, а отклонилась на полградуса от нужной точки. Даже если эта точка определена самим предсказателем.

В описываемое время единая монолитная держава тимуридов раскололась на три неравные части, в каждой из которых было множество других, более мелких частей, не подчинявшихся никому и ничему. Никто друг другу не верил, и что самое главное, не уважал ни обычая, веками господствовавшего на земле, ни закона, ещё не успевшего стать незыблемой основой существования народов. Мавераннахр, прибежище последних Тимуридов. Хорасан, вроде тимуридский, на деле Ирано-хорезмский. Даштикипчак, кипящий котел недовольства всех и всеми.

«Ленивые короли» на Западе и последние Тимуриды на Востоке — могильщики своих государств, которые худо-бедно существовали при основателях династий. Тимур, отличающийся непомерной жестокостью, именно ею заложил в детях основы всеобщего недовольства. Беспощадными зверствами и беспримерной яростью удерживал от раскола своё, ничем не склеенное, государство. Оно состояло из мозаики захваченных, покоренных, разорённых и униженных народов и стран. Последние правители тимуридов отличались непомерными амбициями. Не подкреплёнными ни природным умом и харизмой своего предка, ни его безграничной уверенностью в своём божественном предназначении.

Ханы Даштикипчака, даже отдалённо не понимающие, что такое закон и порядок, наделись лишь на себя самих. Не на детей, сыновей и родственников, а на себя и свою возможность ограбить или поработить соседа, обчистить чужака, отобрав его достояние. Грабежи давали возможность содержать нукеров, делиться с ними частью добычи и грабить, грабить, грабить... Но что можно взять с несчастных жатаков, с проходящих караванов, или с таких же полунищих ханов? Да хоть нитку, хоть щепку, но отнять. Многие понимали, что долго так продолжаться не может. Нужна жёсткая рука для наведения хотя бы тени порядка. Однако никто в этом даже себе не признавался. Так и таскались по степи банды вооружённых людей, для которых обычай уже умер, а закон ещё не родился.

Существующая система породила своего могильщика. Мухаммед Шейбани, вырос на презрении к закону и обычаям. Испытал на своей шкуре гонения и притязания со стороны родственников и бывших нукеров своего деда. Он хорошо понял, как надо жить и что делать, чтобы выжить и стать если не богатым, то хотя бы не голодным попрошайкой. Он никому не верил. Обман ближнего своего, а тем более дальнего, считал за высшую доблесть и никогда не задумывался, что на его обман может появиться другой, более изощрённый и отвратительный. Он не мог позволить себе верить хоть кому-либо. Знал, был уверен, что если он не предаст, предадут его. Так было всегда. Так делал его дед. И прожил достаточно долгую жизнь. Так не стал делать его отец, Шах-Будаг-султан. Но где он и сколько прожил в подлунном мире? Жестокая школа жизни привела к закономерным результатам. Только беспринципный и жестокий человек мог объединять и склеить развалившуюся империю потомков Чингизхана и повторить путь Тимура.

Ахмад-мирза, правитель Самарканда, изнывал от горьких раздумий. Всё было бы хорошо, но на сей раз дело было настолько противным, что ему даже думать о нём было больно. Кочевые узбеки в очередной раз напали на Ташкент и разграбили его, несмотря на то, что самаркандский правитель посылал туда не только людей для защиты, но и денег на содержание нукеров. Поэтому Ташкент часто менял своих хозяев — то моголистанцы его захватят, то ойраты, то Ташкент возвращался под руку тимуридов. Деньги и люди утекали в ту сторону, словно вода в сухой песок Кызыл-Кумов. Куда всё это девалось, Ахмад-мирза догадывался, но спросить за упущение было не с кого. Хаким города погиб вместе с остальными воинами. Лишь горстка беглецов спаслась из пылающего города. Их следовало бы повесить, но кто будет воевать? Если не окоротить этих зарвавшихся от безнаказанности кочевников, то они скоро и до Самарканда доберутся. Проверять это Ахмад-мирза не собирался и ломал голову, кого-бы нанять для борьбы против разнузданных врагов. Сейчас в Ташкенте ханом и правителем засел сын моголистанского Юнус-хана.

Кого послать на спасение Ташкента? Своего младшего брата Султана Махмуд-мирзу? Да того из гарема не вытащишь. Мало того, что у него полно наложниц, он ещё, грех говорить такое, увлёкся мальчиками и не скрывает своих порочных наклонностей! Ещё на пирах громкоголосо расписывает их достоинства, нисколько не стесняясь своих развратных привычек. Глаза его так и рыскают в поисках молоденьких красивых подростков и невинных мальчиков. Тьфу, гадость-то какая! Ахмад Мирза протёр красное от прилившей крови лицо. Он безуспешно продолжал размышлять над незавидным положением Ташкента.

Есть ещё один брат, Умар-шейх, что сидит в Ферганской долине. Воинственный мужчина, всё время с кем-то устраивает битвы. Но ещё не выиграл ни одного сражения и потихоньку теряет свои владения. Причина простая, он очень быстро загорается и так же быстро затухает. Забывает о том, что с кем-то воюет. А чтобы не так сильно страдать от поражения, заливает свои неудачи вином. Напивается, по донесениям соглядатаев, каждый день до того, что его уносят в спальные покои мертвецки пьяным. Такому доверить даже хромого осла страшно, не то что войска. Пока он находился рядом с незабвенным отцом Абу-Саидом в Самарканде, то вёл себя прилично. Не был замечен в мерзком винопитии.

Правитель Самарканда вспомнил своего соратника и надёжного хакима Бухары, Абдулалли-тархана, которому отправил несколько дней назад приглашение — посоветоваться по поводу Ташкента. Тот лишь накануне прибыл в Самарканд и отсыпался после двухдневной скачки. Ахмад Мирза был уверен, что его соратник и друг что-то придумает, если на родственников никакой надежды нет. Чухара, стоявший у дверей с наружной стороны, просунул голову в покои правителя и вполне внятным голосом произнёс:

— Великий Мирза! К вам гость, незабвенный Абдулалли-тархан, хаким Бухары.

Абдулали не стал дожидаться, чего ещё скажет чухара, отшвырнул его в сторону и упал перед Ахмад Мирзой на колени.

— О светоч великой мысли и мой повелитель... — не своим голосом затянул приветствие друг.

— Прекрати, Абдулали! Не в гости приехал, а посоветоваться по серьёзному делу. — На лице самаркандского правителя отражалось неприкрытое беспокойство и следы тяжких раздумий. Между бровей залегла глубокая складка, а руки теребили янтарные чётки, перебирая крупные оранжево-красные бусины. — Говорить будем наедине, чтобы ни одна ползучая гадина не догадалась о наших несчастьях.

Абдулали поднялся с колен, будто и не валялся в ногах мгновение тому назад и не вопил дурным голосом. Без разрешения взял с дастархана пиалу с остывшим чаем и горсть орехов. Похрустев прожаренным сладким миндалём и сделав глоток чая, уже нормальным голосом спросил:

— Неужто положение такое сложное, что ты вызвал меня из Бухары? У тебя братья, племянники и приближённые, неужели их так мало? Или они не годятся для серьёзного дела? — в этом месте Ахмад-Мирза глубоко вздохнул. Затем медленно, тщательно выбирая слова, заговорил.

Он настроился на работу и поведал другу всю историю регулярных набегов кочевых узбеков и моголистанцев на присырдарьинские городки и на Ташкент. Мирза особо выделил то, что ему всё это надоело. Прорва денег уходит на содержание войск, а прибыли, в виде налогов, оттуда никакой нет. Купцы идут по тем землям и пошлины платят, а куда всё это девается, никто не может объяснить. С правителем делиться не хотят потому, что всё по своим поясным платкам распихали. Вот поэтому Ахмад пригласил своего друга и соратника. Одна умная голова хорошо, а две, очень умные головы, великолепно. Похвалив таким образом себя и своего друга, он устался в выпуклые карие глаза своего хакима.

Тот надолго задумался, потихоньку подчищая с дастархана тёплую самсу и жареную чучвару*. Еда в Мавераннахре отличалась от еды кочевников. Изнеженные жители городов совсем не понимали того, как живут кочевники. Почему они обирают жителей приграничных городков до исподнего. Дело не только в еде или в том, что они всех грабят. Дело в том, что у них почти нет ремесленников и мало тех вещей, без которых люди обойтись не могут. С такими нищими трудно справиться. Они на всё пойдут, чтоб хотя бы раз в два-три года не наброситься на почти беззащитный городок.

Абдулали почти насытился и тут понял, что справиться с кочевниками могут сами кочевники. Недавно до него дошли слухи о том, что его хороший знакомец, скромный и приветливый Мухаммед Шейбани, проучившийся в медресе Улугбека два года, недавно разгромил войска Махмуд-султана, второго сына Джанибек-султана. Убил его самого и скрылся от мести родственников то ли в Хорезме, то ли на Мангышлаке. Значит, если позвать этого притихшего на время дикаря и поманить того хорошим бакшишем*, то он поможет своему другу и повелителю, не рискуя ни головой, ни жизнью, ни имуществом.

По изменившимся движениям тархана, Ахмад Мирза понял, что у того появилась вполне приличная мысль, как избавиться от северной напасти. Выслушав друга, он поморщился: Мухаммед Шейбан ему не нравился. Не понравились и его сторонники. Насторожил жадный и хитрый взгляд, которым тот окидывал не только убранство Кок-сарая, но и всё, что его окружало. Очень удивил и огорчил завидующий взор, которым узбекский султан буравил посуду на дастархане, прислужников и приближённых Ахмад Мирзы. Те вели себя прилично, не вылезали со своими замечаниями, не то, что окружение Мухаммеда. Каждый из них лез со своими толкованиями и глупыми рассуждениями. Такого Ахмад своему окружению никогда не позволял и давно отучил вставлять собственные суждения в разговоры. Только свои слова он считал правильными. И ещё двух-трёх человек, но лишь наедине.

— Абдулали, друг мой! Неужели ты думаешь, что этот необразованный и дикий кочевник может хоть что-то сделать с нашими врагами? — в голосе его было такое глубокое сомнение, что даже кипяток в чайнике превратился бы в лёд.

— Многоуважаемый Мирза! Мухаммед далеко не дурак и не такой слабоголовый, как часто думают окружающие! Он так хорошо умеет притворяться, что даже я поначалу принял его за гонимого беватана. Но у него в голове много разных мыслей, и скоро мы с тобой увидим его на троне мира. Я очень надеюсь не дожить до этого дня. Он не из тех людей, что прощают обиды. — В словах Абдулали была неистребимая уверенность в правоте своих мыслей. Ахмад опять почесал затылок и откинулся на подушки.

— Так зачем он нам тогда нужен? Чтобы отправить нас к порогу Садов Всевышнего? — недовольно проскрипел Мирза.

— Нет, затем чтобы справиться с нашими врагами. А потом мы наградим его и отпустим в Великую степь с напутствиями. Он будет дальше воевать со своими исконными врагами. С теми, кто прогнал его с родных земель и с молодых лет преследует по всему миру. — Уверенно заявил тархан.

— Тогда ты должен отыскать его. Но где? Где отыскать кочевника в Великой степи? — задумался мирза.

— Повелитель, это намного проще, чем ты думаешь. Караваны ходят круглый год. И сообщение обязательно найдёт нужного нам человека.

Мирза хлопнул в ладоши, призывая чухару. Мальчишка вошёл в покои правителя, согнувшись чуть ли не вдвое. Тот не обратил никакого внимания на униженную позу и приказал призвать писца и бакавулбаши. Ахмад от усиленных раздумий проголодался, но еду любил только горячую. Наслаждаясь горячей маставой и заедая её тёплой, мягкой лепёшкой, Мирза чувствовал, что на его душу постепенно опускается спокойствие и благодать. Говорить и думать о делах больше не следует, всё встанет на свои места. Он так не любил принимать сложные решения, поэтому и вызвал Абдулали из Бухары — выгорит дело, значит, Ахмад хорошо придумал. Не получится отвоевать Ташкент окончательно, значит советник никудышный и его следует наказывать.

Абдулали, с утра, в покоях своего повелителя, очистивший дастархан почти до крошки, и сейчас ел с удовольствием. Он, несмотря на стройную фигуру, отличался завидным аппетитом. Иногда он сам удивлялся, куда в него всё это лезло. За едой друзья молчали, только посапывали от удовольствия поглощаемой маставы.

— Абдулали, я не могу понять, как этому беватану удаётся сохранять свою никчёмную жизнь, да ещё и одерживать победы над своими врагами? Мы с ним одновременно потеряли самых близких людей. Он своего деда Абулхайрхана, я своего отца. Но в моей жизни не было ни одного дня покоя! Всем от меня чего-то нужно, каждый меня дёргает по пустякам. Мне трудно понять, какое дело важнее другого?

— Ты правильно говоришь! У тебя огромное государство и великая власть, а также огромные возможности. У Мухаммеда ничего этого нет. К нему никто не лезет, он никому не нужен. Пока он жил в Бухаре, то вёл себя как обычный студент, а не внук великого хана. Никто, по его одежде и манерам, не догадывался о его высоком положении. — Уверенно ответил тархан.

— Нет у него никакого высокого положения! Это его несбыточные мечты! Не думаю, что когда-нибудь он справится со своими врагами и займёт место, соответствующее ему по рождению. — В этом месте Абдулали с сомнением покачал головой. У него было другое мнение, но спорить с правителем он не собирался. Сегодня он тебя принимает как друга, поскольку нуждается в твоём совете, а завтра он тебя казнит за косой взгляд.

После обильного дастархана было написано письмо, предназначение которого впоследствии трудно было оценить. Именно оно позволило Мухаммеду Шейбани безнаказанно вмешать

ваться в дела престолонаследия Мавераннахра и всех оставшихся в живых Тимуридов. Ахмад Мирза не смог обуздать великие аппетиты гордого султана и породил своего могильщика. Но еще не догадывался об этом и продиктовал письмо:

«С именем Аллаха Милостивого, Милующего!

Моему любимому родственнику и незабвенному другу, салом!

Обращается к тебе с высоты своего положения и значения Ахмад Мирза-султан, правитель Мавераннахра, Бухары, Самарканда и многих крупных городов! Хочу сообщить тебе о выгодном предложении и доброжелательном пожелании. У нас с тобой есть один извечный общий враг, это кочевые узбеки, которые убили твоего отца и деда. Эти мерзкие твари добрались до границ нашего государства. Они систематически грабят его, не обращая внимания на моих великих воинов и батыров. Они поимели наглость разграбить Ташкент и вывезти оттуда значительную добычу. Я хочу, чтобы ты со своими несравненными батырами наказал этих шакалов и разгромил войска сыновей Джанибек-султана. Именно Иринджи-султан как-то напал на тебя из засады и лишил богатого каравана, предназначавшегося в подарок для меня. У тебя будет возможность отомстить им и показать всем в Великой степи, кто там хозяин, и кто чей сын!

Я могу оказать тебе помощь в этом справедливом деле и приглашаю тебя для переговоров в город Бухару, где тебя встретят с почётом и уважением. Здесь ты встретишься со своими соратниками и преданными не только мне, но и тебе людьми. Поспеши, ибо враги наши не спят и мечтают о захвате всех городков, в том числе и тех, где размещаются близкие тебе люди. Подумай о них и помни, что я не держу камня за пазухой.

Благослови тебя, Всевышний во всех твоих делах и начинаниях.

С пожеланиями успехов брат твой и покровитель Ахмад Мирза».

Долго вымучивал он эти строки и каждое мгновение взглядом и словом советовался с Абдулали. Тот кивал головой и поддакивал. Что ему оставалось делать, если на первое же крохотное замечание по поводу обращения, унижающего молодого чингизида, Ахмад вскинулся, словно ужаленный роем пчёл? Поэтому хаким Бухары кивал и думал про себя, как на это послание отреагирует гордый и злопамятный Мухаммед Шейбан? Ахмед же был доволен собой и своим посланием. Хотя в послании ни словом не упомянул, что в Ташкенте сидят не казахи, а моголистанцы. Мирза приказал отправить письмо немедленно. Почта, какая существовала при чингизидах, напрочь отсутствовала, и все послания передвигались со скоростью улитки с торговыми караванами. Положение ещё осложнялось тем, что никто не знал, где находится Мухаммед. То ли в Хорезме, то ли на Мангышлаке. Но и Хорезм и Мангышлак были не крохотными городками, а большими территориями, принадлежащими Хусейну Байкаре.

Послать на поиски неуловимого Мухаммеда Шейбана решили трёх человек. Ахмад-мирза хотел ограничиться двумя, но здесь Абдулали настоял на том, что меньше троих посылать никак нельзя. Эти посланники должны присоединиться к каравану, идущему в сторону Ургенча и Мангышлака. А чтобы не вызывать подозрений караванщиков, должны наняться в охрану каравана. Они же воины. Воинам удобнее заходить в чайханы и расспрашивать о тех людях, что живут в городке или караван-сараях. Так и платить им не придётся, на дорогу сами заработают. Ахмад Мирза довольно улыбался. Но Абдулали-тархан понимал, что такое откровенно убогое посольство сильно оскорбит Мухаммеда, почитавшего своё происхождение от самого Чингиза, за божественное предназначение. Попытка придать хоть какую-то торжественность и значимость посольству не увенчалась успехом. Тимурид Ахмад закусил удила удачи!

Абдулали не был уверен в успехе предприятия. Уж очень письмо Ахмада Мирзы было насыщено высокомерием, а посольство откровенно бедным. Он сам на такое письмо никак бы

не отреагировал. Мухаммед не был подданным Ахмада Мирзы, да и родство было призрачным, как прошлогодний дым над очагом. Все эти размышления никак не отражались на его лице, которое продолжало не просто вежливо, а почти угодливо улыбаться правителю Самарканда. Но мысли находятся глубоко в голове, и Ахмад даже не подозревал о таком направлении размышлений своего почти друга.

Письмо Ахмад Мирзы нашло Мухаммеда Шейбана в Хорезмской крепости Тирсак, на краю пустыни. На это место Мухаммед наткнулся во время кочёвок по почти ненаселённым районам между Гирканским морем и остатками Джейхуна. По какой причине эта приметная возвышенность оставлена жителями было непонятно. У подножья обширного холма протекал канал, берега которого беспорядочно зарастали вездесущим камышом, ивами и тополями.

Покинутую в незапамятные времена крепость султан восстановил из руин и обустроил по своему вкусу и запросам. Местные жители, которых было немного, обходили это место десятой дорогой. Но Мухаммеду оно почему-то понравилось. Именно здесь, между пустыней и обжитыми местами решил обосноваться султан. С Мангышлака ему удалось перегнать несколько отар овец и привести несколько десятков семей из гонимого племени абдалов*, которых время от времени грабили тоурмены или хорезмийцы. Они были благодарны Мухаммеду, что их не заставляют работать, как рабов, не волокут их женщин в шатры для бесконечных утех и позволяют молиться своим богам. Для своей собственной безопасности, эти две сотни мужчин, постарались восстановить стены из пахсы и соорудили несколько мастерских. Полгода спокойной жизни и возможность избежать голода превратила этих людей из гонимых беженцев в благодарных и преданных подданных Мухаммеда.

Никто из его окружения не ожидал, что в молодом человеке заложены способности, позволяющие ему не только воевать, но и что-то созидать. Если не большой город, то это было место, где можно укрыться от врагов и переждать смутное время. За полгода, проведённые сторонниками султана Шейбана в Тирсаке, караванщики привыкли, что в крепости могут найти не только приют и безопасность, но еду и воду. В жизни Мухаммеда и его сторонников любой отрезок времени был смутным. Ни одно мгновение он не был уверен в том, что в следующий момент его не убьют враги. Или не предадут верные друзья. Такое в Великой степи случалось сплошь и рядом. А крепость давала возможность передышки. Внутри крепости абдалы отстроили несколько десятков убогих кибиток и пять-шесть более значительных домов. Среди них была чайхана, место для ночлега караванщиков и навесы для наров и вьючных лошадей.

Письмо Мухаммеду доставили с проходящим караваном люди Ахмада Мирзы. Их было трое молодых джигитов, один из которых был постарше и выступал за главного. Двое других сопровождали и вроде бы охраняли посланца. Султан, по своей давней привычке, жил в юрте в окружении своих братьев. Остальные воины располагались за стенами крепости, охраняя её. Шатры, юрты, палатки и навесы вольно раскинулись вдоль неширокого канала, почти арыка. Когда посланники наконец-то попали в крепость и поняли, что миссия выполнена, они были уверены, что встречающие их люди будут благословлять их до конца своих дней.

Гонцов привели к Мухаммеду. Тот сначала не понял, что три человека из очередного каравана это доверенные люди Ахмад Мирзы. Султан нахохлился при виде столь скудно одетого молодого десятника. Сначала не хотел брать письмо, но любопытство взяло верх. Он приказал Алибек-ата принять послание. Тот сломал печать, нехотя развернул плотную кожаную обёртку и раскрыл лист белой бумаги. По знаку султана начал громко читать. Близкие друзья и родственники Мухаммеда сначала не поняли, в чём заключается суть послания, а поняв, подняли неумолчный гвалт. Первым, в обход султана, высказал своё мнение Канбар-бий. Десятник Амир-бек однажды видел этого джигита и знал, что немногословный молодой мужчина — кукельдаш султана Мухаммеда. Тот настолько редко говорил, что некоторые никогда не слышали звука его голоса. Здесь же голос кукельдаша прозвучал не просто резко, а почти грозно!

— Как можно расценить это неуважительное, да что там неуважительное, унижительное послание узурпаторского выкормыша к истинному чингизиду? Как плевок в лицо, не иначе. Он не предлагает нам союз, он вас даже не нанимает, а приказывает явиться в его город, а затем пойти отвоевывать Ташкент, который его джигиты попусту просрали? — Ноздри его носа разошлись крыльями и глаза сверкали если не молниями, то уж яркими светильниками. Руки кукельдаша сжимали камчу с такой силой, что побелели ногти. В такт его слов задёргалась изуродованная щека султана Мухаммеда.

Незадачливые вестники, ничего не знавшие о содержании письма, во время его чтения державшиеся заносчиво, к концу поняли, что едва ли им удастся унести восвояси голову и ноги из этой крепости. Амир-бек, глава куцега посольства, в долгой дороге надеялся на награду за приятные вести. Как-никак приглашение от великого Ахмада Мирзы какому-то бродяге. Но посмотрев на крепость, на справных лошадей, на сытых и упитанных воинов, на многочисленные отары, он понял, что не к простому наёмнику в гости попал, а к военачальнику, уважающему себя и своих людей. От тоски и непонимания своего будущего у него защемило сердце. Но сказать он ничего не мог, поскольку на словах ему ничего не требовали передать. И тут глаза Мухаммеда Шейбана остановились на Амир-беке.

— Скажи, джигит, ты знал, с какой целью тебя послали в такую даль, чтобы найти меня? — у Амир-бека перехватило дыхание. Но, сглотнув плотный комок, застрявший в горле, он постарался честно ответить.

— О лучезарнейший из воинов! От меня, вашего раба, было скрыто содержание послания. Но мне дали понять, что вы будете очень довольны, когда его получите.

Громкий, раскатистый смех, нет, хохот был ответом на эти правдивые слова. Ни Амир-бек, ни его сопровождающие этого не ожидали. Они были уверены, что этот беватан, как его называли при дворе Ахмад Мирзы, сломя голову помчится на зов их повелителя. Но то, что они увидели, привело их в расстройство и беспокойство. Они не выполняют приказа Ахмада Мирзы и будут за это жестоко наказаны. Если, конечно, смогут вернуться в Бухару после такого приёма. Отсмеявшись, Мухаммед оглядел своё окружение и весело протянул:

— Ты видишь, посланник, как мы все рады этому письму. Так рады, что готовы бегом бежать по приказу твоего правителя и выполнять все его указания без промедления. Даже не натянув штанов! — установилась тишина. Не ласковая и приятная, а грозная, готовая вновь разразиться негодующими возгласами.

— Да-да, мы здесь целый год только и мечтали о том, чтобы получить такое приглашение и кинуться исполнять приказы вашего правителя, забыв про молитвы и омовения. — Джигит, похожий на Мухаммеда, но чуточку моложе, хотя и более грозный на вид, явно издевался над гонцами. Поддержкой этих язвительных слов были перешёптывания и едва слышный лязг оружия.

Султан махнул рукой, приказывая посланникам отойти от них. Развернувшись к своему окружению, он начал тихо с ними переговариваться, теребя в руках простые чётки. Амир-бек, наблюдая за этой картиной, очень удивился тому, что каждый говорил что-то своё, а султан не перебивал и внимательно слушал своих людей. Удивительная картина. Амир-бек редко бывал в пиршественных залах Ахмада Мирзы или на его совещаниях, но точно знал, что Мирза никогда и никого не слушает. А если слушает, то до какого-то момента, а потом начинает сам говорить. Слово это он придумал, удачный выход из ситуации. Разговор ничем не закончился. Видимо султану не удалось убедить своих друзей в предположениях, а те, недовольные его решением, продолжали что-то говорить.

— Мы не будем торопиться с принятием необдуманного решения. Мы должны посоветоваться и рассмотреть предложение твоего правителя со всех сторон. Только потом, по зрелому размышлению, мы примем решение по поводу приглашения. А пока вы будете моими гостями. Чухара проводит вас в ваши покои, побеспокоиться о вашем омовении и после днев-

ной молитвы приведёт вас к нашему походному дастархану. Не обессудьте, мы люди простые, всего-навсего исконные чингизиды и по заветам наших предков, еда у нас без изысков, но сытная. — Султан махнул рукой.

Сбоку подскочил мальчишка лет тринадцати, поклонился гонцам и вывел их из юрты. Затем, повернувшись к ним, весело проговорил:

— Ваш султан нас повеселил, но и мы постараемся в пыли лицо не испачкать. Только наш повелитель живёт в юрте внутри крепости, все остальные нукеры за стенами. Там удобно и для всех безопасно. Бани ещё нет, но большое омовение можно совершить в предназначенном для этого месте. Если у вас нет сменной одежды, я распоряжусь, чтобы вам её принесли. — У Амир-бека от этих слов глаза полезли на лоб. Дарить одежду было принято лишь дорогим гостям, но по тому приёму, что им оказали, их отнести к дорогим гостям никак нельзя. — В вашей комнате вас будет ждать чай, лепёшки, сладости и сушёные фрукты. Наши сады пока не выросли.

Пройдя несколько шагов, потолкавшись среди погонщиков верблюдов и караванщиков, заполнивших большую площадь, посланцы добрались до чайханы. Широкая веранда, опоясывающая значительное строение, была заполнена людьми из пришедшего каравана. Но чухара повёл гостей не через центральный вход, а в боковую дверь. Лестница вела на болахону. Через две двери был вход в комнаты, заваленные курпачами и подушками. Ковров не было, но кошмы на полу были довольно плотные. Скудные пожитки нашли своё место возле порога, но чухара решил, что задерживаться не стоит.

— С другой стороны чайханы есть небольшой хауз, вы можете там смыть дорожную пыль. — Кинув понимающий взгляд на тощие хурджуны посланников, чухара продолжил: — Я принесу вам одежду и обувь, там вы можете переодеться. А женщины постирают ваши пожитки.

Мальчишка с тоской смотрел на пропылённую, пропахшую потом и дымом походных костров, одежду путешественников и никак не мог понять, является ли это убогое посольство изощрённым унижением его султана или они сами по себе такие убогие? Ничего не придумав, отвёл джигитов к хаузу, а сам отправился подбирать одежду для этих несчастных. В том виде, в котором они явились на глаза султану, приходить на пир было просто неприлично.

В шатре Мухаммед, сосредоточенно сдвинув брови, внимательно слушал, что ему говорят Алибек-ата, Канбар-бий и Махмуд-султан. Остальные разбрелись по крепости и вышли за ворота, чтобы не мешать своему султану в принятии важного решения, от которого зависти их жизнь и благополучие. Чухара осторожно просунул голову в юрту, не наступая на порог, утвердительно кивнул. Это означало, что сменной одежды у гостей нет, как нет и денег. Султан усмехнулся. Как можно отправлять послов за тридевять земель без денег и должного сопровождения? Прав его кукельдаш, это унижение. Но не умышленное. Оно сделано правителем Самарканда исходя из легкомысленной самоуверенности Мирзы, считающего себя центром вселенной, а всех остальных — никчёмными придатками к этой вселенной. Интересно, а каким образом они добрались до него по степи? Возможно, нанялись в караван погонщиками? А что, занятие достойное. Нет, не погонщиками, в охрану нанялись, они же воины, со справным оружием и кое-какими навыками!

Хотя если подумать, то охранников никогда не нанимают поодиночке, нанимают сразу большую группу, которая подчиняется своему наибу. Мухаммед часто посылал своих людей наниматься в охрану караванов. Это была одна из статей его регулярных доходов. Но ломать голову над этими вопросами султану не хотелось. Его больше занимало то, что говорит его кукельдаш.

— Мухаммед, ты пойми, нам нужно когда-то начинать вникать в то, что творится в Мавераннахре. В Великой степи для нас места нет. Там столько потомков Бурундука и Джанибека, что среди них потеряться можно! Место, где мы сейчас сидим, тоже не наше. Опом-

нится Байкара, прикажет хакиму Ургенча выкинуть нас из Тирсака, придётся уходить, куда глаза глядят. Не нам с его войсками тягаться. А в Мавераннахре каждый сам за себя. Власти у правителей отдельных владений меньше, чем мышиный глаз. Не понравится то, что будет говорить Ахмад, развернёмся и уйдём. — Канбар-бий говорил как всегда очень обстоятельно. Ни одного лишнего слова или цветистых выражений. Его поддержал Махмуд-султан. Тому лишь бы подраться да саблём помахать.

— Брат, до каких пор мы будем убегать от наших врагов? Мы должны при помощи тех людей, которых даст Ахмад Мирза, разбить оставшихся сыновей Джанибека, чтобы им пусто было, и доказать самим себе, что мы ещё живы! — довольный своими словами, он откинулся на подушку и посмотрел на женскую половину юрты. Там три женщины, молодые и вполне привлекательные, готовили богатый дастархан. И как это брату удаётся держать всех троих в одном месте? Его две наложницы давно друг на друга зубы точат. Второй юрты у Махмуда нет, и не скоро появится.

— Я не того боюсь, что не справлюсь со своими врагами. Мне жаль оставлять здесь всё то, что мы успели обустроить. Я нигде не чувствовал себя столь покойно, как в Тирсаке. Даже в Сыгнаке! Наверное потому, что мы всё здесь сделали своими руками... — Мухаммед вроде бы и забыл уже, что ни одного кирпича в кладку стены не положил и ни одну овцу не остриг. Но он тщательно, зорким хозяйским взглядом, следил за хозяйством и за возведением построек. Ни один караван без определённого сбора из крепости не уходил. — Если мы отсюда уйдём, кто-то наложит на крепость свою загребущую лапу.

— Никто не наложит ни лапу, ни даже ноготок от своей лапы, — подхватил беседу Алибек-ата. — Я могу остаться здесь с сотней нукеров. Вы же вернётесь? Но если решите остаться в каком-то городе Мавераннахра или присырдарьинских городках, я тоже здесь не буду лениться. Дело всегда можно найти.

— Нет, учитель, вы должны быть рядом со мной. Здесь я оставляю Якуб-бека. Он младший брат моего учителя Карачин-бека, прижимистый и довольно воинственный. Несмотря на то, что он завзятый зубоскал и пересмешник, Якуб хорошо владеет саблей. Уверен, что с небольшими группами каракчи* он справится довольно легко. Оставшиеся воины могут сопровождать караваны. Тоже прибыль.

Мухаммед решил на отъезд. Время весеннее, но в пустыне это уже жаркие дни и относительно прохладные ночи. Добраться до Бухары можно будет за две-три луны, а там как Всевышний рассудит. Бусины чётков в руках султана неустанно двигались, глаза полужакрыты, он даже вроде задремал. Но все сидящие рядом хорошо его знали и понимали, что решается один из главных вопросов их дальнейшей жизни — пойти под руку бухарского правителя или оставаться самостоятельным, но совершенно незаметным мелким беком на краю мира? Не такими были характер и стремления молодого султана, чтобы пойти под руки ненавистных тимуридов за просто так, без далеко идущих планов. Однако, надо показать посланникам, что они тоже себя не за юртой нашли, а принадлежат к великому роду, безраздельно правившему на этой земле в силу божественного предначертания. Долог путь на вершину горы, а катиться с неё вниз Мухаммед Шейбан не собирался.

Глава шестая

Чистые, пахнувшие райхоном и мятой, отмытые от пота и грязи долгой дороги, незадачливые гонцы, в сопровождении чухары, появились в юрте Мухаммеда, с видом смиренным и скромным. Отмокая в хаузе, они договорились только слушать и соглашаться со всеми словами хозяина крепости, поскольку от скромного и покладистого поведения теперь зависит их жизнь. Но за дастарханом никто о делах не говорил. Мужчины ели варёное мясо, пили сладкое виноградное вино, кислый кумыс, смеялись удачным шуткам, но ни одного слова о цели посольства сказано не было. Амир-бек, оголодавший за время поисков Мухаммеда, с аппетитом ел мясо. В который раз он подумал, что вот такому человеку служил бы с удовольствием. Султан не кричит, выслушивает своих людей, судя по всему, не бьёт их. Как же десятнику Амиру надоело всё время ходить по краю, ждать окрика, тычка или затрешины. Старшие на них не скупались, подтверждали каждое распоряжение оплеухами, словно у молодого десятника мозги и уши напрочь отсутствовали.

Пиршество было не столько изысканным, сколько простым и удобным для любого человека — что для чужаков, что для приближённых молодого султана. Никто не злословил, не пытался поддеть едкой шуткой сидящего рядом джигита. Не выпрашивал у приятеля о достоинствах его наложницы или жены, а уж тем более не хвастался ими. Интересным для Амир-бека было присутствие в юрте женщин. Они прислуживали пирующим без раболепия и боязни, почти как равные равным. Это удивило воина. В Кок-сарае женщины жили на женской половине и на глаза посторонним не показывались. Здешние женщины ходили в скромных платьях, но с многочисленными украшениями. Однако волосы их покрывали странные платки. Глазеть на них посланцы старались не слишком упорно, но задавали себе вопрос — это наложницы султана, его жёны или простые служанки?

С гонцами хозяева заговаривали, но разговор был самый обыденный — о тяготах дороги, о городах и кишлаках, встречавшихся на пути, о пище и особенностях передвижения по степи в разную погоду. Амир-бек удивлялся вопросам, но старался отвечать по мере возможности подробно. Он заметил, что чем больше времени проходит с момента выхода из Самарканда, тем больше недовольства у него копиться в душе по поводу его убогого вида. Почему его сотник и приближённые Ахмада-мирзы не подумали, в каком виде он предстанет перед кочевниками? Он даже начал морщиться, словно новые ичиги жали ему пальцы. Но не в ичигах было дело, они довольно удобно сидели на ноге. Да и остальная одежда пришлась впору. К слову сказать, сама одежда была не в пример богаче, чем та, в которой он приехал из Самарканда.

Сам Амир-бек, помня договорённость, ни о чём не спрашивал и первым разговоры не начинал. Он отдавал должное сытной пище и очень надеялся, что при таком ласковом приёме с ними ничего плохого не случится. А если Мухаммед не пойдёт в Самарканд, то хотя бы их отпустит живыми и невредимыми.

Немного погодя, между женской половиной юрты и мужской, расположился мужчина средних лет и стал наигрывать на кобызе*. Под ненавязчивые звуки музыки разговоры не затихали, время от времени раздавался смех, но посланцы лишь улыбались, не понимая и половины шуток. Видимо, эти люди настолько хорошо друг друга знают, что могут шутить так тонко. Рядом со стариком присел мальчишка-чухара с дагырой* в руках. После того, как хозяева и гости насытились, подали чай. Настоящий чай, с молоком и почти сладкий.

На женской половине из-за разноцветного сюзане появилась девушка в траурном наряде. Всё на ней было чёрным, неприкрытые густые длинные волосы, распущенные по плечам и спине, показывали глубину её скорби по ушедшему в сады Всевышнего человеку. Амир-бек поёжился от неприятного предчувствия. Судя по всему, совсем недавно кто-то умер и он при-

сутствует на поминальной трапезе! Хотя как же все остальные, они-то смеялись, чуть-чуть не пели, пили вино и шутили? Что происходит?

— Мои братья и соратники! Десять лет прошло с кончины моего незабвенного дедушки, Абулхайрхана ибн Давлет-шейх ибн Ибрахим-султан ибн Пулада, из рода Чингизидов, потомка Шайбана, пятого сына Джучи! — голос Мухаммеда, полный печали и скорби, перечислял свою родословную так, как будто сам пел погребальную песню. Амир-беку опять стало стыдно: его повелитель не мог похвастать таким знаменитым родством.

Все склонились, старший из сидящих за дастарханом прочитал поминальную молитву. Видно было, что этой молитвой люди не только вспоминают давно ушедшего за кромку человека, но и дают ему обещание следовать его заветам и указаниям. Амир-бек пытался вспомнить хоть малую крупицу сведений об Абулхайрхане. Но ничего, кроме того, что троюродная сестра его правителя была за ним замужем, вспомнить не мог. Эту женщину при дворе Ахмад-хана старались не упоминать, словно её никогда не было.

— Моя бабушка Рабия-Султан беки, дай Всевышний ей здоровья и долгих лет жизни, на смерть своего любимого мужа и нашего деда, сочинила прекрасное жоктау*, которое мы все услышали на третий день после его смерти. С тех пор, каждый год, не обязательно в день его смерти, но близко к этому дню, мы проводим поминальный обряд и слушаем это жоктау. Этим мы отдаём дань уважения и памяти нашему незабвенному предку. — Молодой, похожий на Мухаммеда джигит сделал знак рукой.

Музыканты заиграли, а девушка в траурном наряде запела. Звуки, которые время от времени доносились извне, внезапно стихли. Не было слышно ни криков женщин, ни детских воплей, ни конского ржания, ни звона оружия или разудалых возгласов нукеров. Кроме чистого, но безумно печального голоса девушки, в мире не осталось ни единого звука. Слова жоктау, переполненные истинным чувством невосполнимой утраты, приводили в неописуемую печаль всех сидящих за дастарханом. У некоторых мужчин на глазах появились слёзы. Но воины, несмотря на то, что плакать им должно быть стыдно, не стеснялись солёной воды, текущей из глаз. С ужасом Амир-бек понял, что на его глазах тоже появились предательские слёзы.

Он не плакал с раннего детства, но слушая жоктау, представил себе своего отца. Десятник лишился его в раннем детстве. Он вспомнил свою мать, которая ушла почти сразу же вслед за отцом. Затем он потерял остальных близких, дедушку и бабушку, те воспитывали несчастного сироту. Слова, прозвучавшие почти в самом начале жоктау, заставили вспомнить одинокое, голодное детство и печальную юность. Если бы не его дальний родственник, так бы и сложил несчастную голову неизвестно где.

*«В пепел превратил дни и ночи.
Камнями покрыто моё ложе,
Пустым стал мой дастархан.»*

Амир-бек понял, что певица олицетворяет собой Рабию-беки. Судя по всему, Мухаммед уважает свою молодую бабушку, если жоктау поёт девушка, одетая подобающим образом. Никогда молодой джигит не слышал ничего подобного. Это обычай не осёдлых жителей города, а «диких кочевников», о которых с таким презрением говорят в Самарканде. Но чем они, эти кочевники хуже? У них такие славные и достойные обычаи. Они почитают своих предков, помнят о них и не дают забывать окружающим. Тишина, кроме звуков кобызы и донгыра, да берущего за душу пения, ничего в мире не осталось. Амир-бек, продолжая слушать печальный напев, думал о жизни великого Абулхайрхана и тосковал, что никогда его не видел. Вот можно было бы поговорить с Мухаммедом Шейбаном о его дедушке?

Жоктау закончилось. Девушка встала во весь немалый рост, низко поклонилась сидящим за дастарханом, что-то тихонько сказала старику с кобызом и парнишке с донгарой, поверну-

лась и вышла из юрты. Некоторое время все молчали, хотя за порогом юрты медленно нарастал гул голосов и приветственные возгласы. Джигиты словно проснувшись, зашевелились и заговорили.

— Простите за дерзость, великий султан, но я думаю, что мне следует вставить эту жоктау в твоё жизнеописание. Сколько лет тебе было, когда несравненный Абулхайрхан отправился в сады Всевышнего? — печальным голосом спросил очень пожилой, с седой козлиной бородкой мужчина.

— Алибек-ата, в то печальное время мне было полных восемнадцать лет. А Махмуду всего четырнадцать. Тогда была очень холодная зима, плевок замерзал, не успев долететь до земли, такие были морозы. Много батыров умерло от холода в ту несчастную зиму. А ещё больше младенцев и стариков. Поэтому я стараюсь никогда не кочевать зимой. А то, домла, что вы решили вставить жоктау в моё жизнеописание, так это ваш значительный труд и вы его несравненный автор. Вы там хозяин. — Мухаммед изловчился и сидя поклонился старику.

Амир-бек удивился — на дворе весна, а дед Мухаммеда умер зимой? Так почему султан говорил, что поминают день в день или близко к годовщине? Как же они его провели, заставили плакать, а сами решили разжалобить десятника тоскливым пением? Надо будет держаться настороже, а то обведут вокруг пальца. Как пить дать обведут. Уже обвели. Он недовольно смахнул непросохшую слезу...

— Я помню, как эту жоктау пела Рабия-Султан-бежим. Несмотря на глубокую скорбь, она допела её без слёз и рыданий. Ни одна из жён великого Абулхайрхана не смогла сочинить ничего подобного. Да я их почти не помню. Рабие-бежим в то время было всего тридцать четыре года! Остаться вдовой с тремя мальчиками в чужой стране в таком молодом возрасте очень тяжело. Но она мудра не по годам и красива, как пери. До сих пор красива. — Эти слова размеренным, но проникновенным голосом проговорил Канбар-бий, кукельдаш Мухаммеда. Тот, что более всех был недоволен посланием Ахмада Мирзы.

Мухаммед подал знак женщинам. Мгновение спустя на ляганах внесли жареную чучвару, любимое лакомство жителей Мавераннахра. Незаметно поменяли чайники с чаем и кувшины с вином. Некоторые джигиты выходили проветриться за порог юрты, кто-то остался на месте. После такого торжественного поминания, Амир-бек ожидал начала серьёзного разговора. Но десятник на хорошее решение не надеялся, слишком хитрыми оказались кочевники. Амир-бек был уверен, что его отправят восвояси, не дожидаясь проходящего в сторону Самарканда каравана. Два его спутника, во время пения жоктау, тоже вытирали слёзы, но сейчас насторожились и пригорюнились. Долго ждать не пришлось. Заговорил братишка Мухаммеда, Махмуд-багатур:

— С позволения моего брата и более старших воинов буду говорить я, Махмуд-багатур. Они посовещались и разрешили сказать мне, что мы с пониманием откликаемся на просьбу вашего Мирзы. Мы согласны помочь ему справиться с врагами, с которыми не совладали его нукеры и джигиты. Не задаром. Всё, что мы сможем отобрать у врагов, мы оставим себе. Точно так же территории, которые захватим. Кроме Ташкента. Он нам не нужен, этот город моему брату не нравится, да и мне он не по душе. Мы не городские жители, однако городские удобства и городская жизнь нам не противна. Мы в этом запущенном и заброшенном месте меньше чем за год навели порядок и возвели не только караван-сарай. Мы заложили сады и распахали поля. Мы смогли обезопасить караванный путь на две недели пути. — Посланцы слушали очень внимательно. Но у них не было никаких указаний по поводу странных требований кочевников.

Они в недоумении переглянулись, зашептались, растерянно почесали затылки, начали разводить руками. Никому из них за все месяцы поиска не пришло в голову, что у воинов будут какие-либо пожелания. Особенно по поводу добычи. Впрочем, все трое знали, что добыча чаще всего остаётся у победителя. Но почему Ахмад Мирза и его люди совершенно не поду-

мали об этом? Это же не какие-то мелочи, это чужая жизнь, которой станет рисковать Ахмад Мирза. Даже в послании правителя Самарканда, об этих важных вещах ни слова не сказано!

— Многоуважаемые хозяева! Оплоты веры и благочестия! К нашему огромному сожалению, мы не имеем никаких указаний по поводу тех требований, что вы высказали. Мы не можем ничего обещать, и я не думаю, что кто-то, кроме великолепного Ахмада Мирзы может что-то предоставить. Зная воинские обычаи, мы думаем, что препятствий в отношении справедливых требований не будет... — Махмуд-багатур весело хохотнул.

— На любых других условиях даже собственные джигиты Ахмада Мирзы из-под курпачи не вылезут. — Мужчины за дастарханом поддержали молодого джигита дружным смехом. Амир-бек смутился.

— Как только мы окажемся в Самарканде, я доведу до сведения Ахмада Мирзы ваши требования. — Нерешительным голосом выдавил из себя Амир-бек.

— Не стоит беспокоиться, дорогой посланник. Мы сами доведём до его сведения всё то, что хотим. А вы с сегодняшнего дня и в течение недели отдохайте, набирайтесь сил и здоровья. Смотрите вокруг, чтобы потом было что рассказать в великолепном Самарканде. За это время мы соберём караван, отберём нужное число воинов и отправимся на помощь вашему несчастному правителю.

Самый молодой из гонцов, двадцатилетний Умар, не выдержал очередного словестного унижения. Он с самого начала не понимал, почему старший из них, Амир-бек-ака, так скромно себя ведёт. Они не кто-нибудь, а посланники великого правителя прекрасного, роскошного Самарканда. А эти кочевники смеются над ними в течение всего дня! Ну и что, что у них такие предки. У него самого, небось, тоже есть толика чингизидский крови.

— Почему это несчастному?! Как вы смеете при посланниках поносить нашего владыку непотребными словами? — Амир-бек безуспешно дёргал его за рукав, пытаясь заставить замолчать, но Умар, что называется, закусил удила. — Мы не за подаянием к вам прибыли!

— А зачем, если не за подаянием? Не мы вас искали по степи и пустыне в течении трех лун, это вы нас искали. Не мы, голые и сырые, прибыли в ваш город, а вы к нам. И не вы ль, от имени своего Мирзы, просите помощи в борьбе с кочевниками, которые регулярно грабят ваши города? — Обидные слова вместе со слюной вылетали изо рта Якуб-бека со скоростью галопирующего ферганца.

Амир-беку наконец удалось успокоить своего молодого товарища. Тот опустил голову, переживая, что теперь никакой помощи они не получают. А как добираться до Самарканда? Денег у них нет и каравана, идущего в сторону Самарканда, не предвидится! О Всевышний, почему не остановил глупца и его неприятные слова! Но тут впервые раскрыл рот Мухаммед.

— Я могу понять недовольство молодого джигита. Не хотелось бы только, чтобы его же словами потом заговорил Ахмад Мирза. От него всего можно ожидать. Я с ним разговаривал и знаю его. — Амир-бек понял, о чём кручинится султан. Он и сам не доверял своему Мирзе. Но путь до Самарканда достаточно длинный, Возможно, всё и образуется. Возможно, когда Ахмад Мирза увидит воинов Мухаммеда Шейбана, он обрадуется и будет рад подоспевшей помощи? Не станет унижать прибывших джигитов. У Амира в голове занозой засела мысль о том, кто лучше — Мухаммед или Ахмад. Длинная дорога покажет, как дальше себя вести.

На следующий день в сторону восхода двинулся десяток воинов с полусотней व्यючных лошадей и несколькими жатаками. Амир-бек удивлённым взглядом провожал их отъезд.

— Куда это они направились? — спросил он проходившего мимо жатака.

— А вы, уважаемый, не знаете? В Хиву, припасов для похода купить. Там и будут ждать нашего многоуважаемого султана со всеми остальными нукерами. В нашей крепости припасов на четыре месяца не набрать, сами впроголодь живём, от одного каравана до другого. — Тоскливо ответил сторбленный временем и непосильным трудом жатак.

— Новый урожай только-только подходит, весна ещё. Пока соберём, пока обмолотим — пойдёт много времени, а наш султан велел быть готовыми за неделю. Мы никак не успеваем. — Вмешался в разговор другой мужчина, повыше ростом и более справный. Но с такими же тусклыми глазами.

— Что, ваш султан вас не кормит? Прижимистый, видать... — съехидничал молодой Умар.

— Глупый ты! — Недовольно проскрипел первый жатак. — Наш султан ест то же самое, что и мы. Вчера впервые за полгода, султан и его братья, наелись досыта мяса, да и нам перепало. Нашим детям. Нет у нас лишнего. У него тоже мало чего есть. Золото есть, а вот с едой пока трудно. Но мы работаем. Мы все хорошо работаем. Первый урожай вдоволь даст нам ячменя и проса, даст моркови, капусты, редьки, да много чего ещё! Вот тогда мы заживём! Лишь бы наш султан вернулся здоровый из этого глупого похода ради вашего Мирзы!

— Не очень-то ваш султан нам нужен... — снова встрял Умар. Но здесь не выдержал Амир-бек: со всей силы отвесил ему хороший подзатыльник и приказал держать язык за зубами.

Всю неделю, до выхода джигитов Мухаммеда Шейбани из крепости, Амир-бек, с двумя друзьями, слонялся по укреплению и его окрестностям, ничего не понимая в том, чем занимаются люди, живущие на краю пустыни. Сказать, что его удивили огороды и прутики каких-то будущих садов, значит ничего не сказать. Все трое были городскими жителями и давно жили в Кок-сарае. Но не на «Белой половине», а в строго отведённом месте с другими такими же нукерами. Их кормили, конечно, не на убой, но голодными парни не сидели. Кроме как редкими походами и ещё более редкими тренировками они ничем не занимались. Джигиты время от времени сопровождали Мирзу или его приближённых в их передвижениях по улицам Самарканда.

С удивлением, граничащим с досадой, Амир-бек увидел, что не только джигиты с утра до вечера заняты бесконечными заботами. Он убедился, что все жатаки и их женщины полный световой день суеются, кто в самой крепости, кто в огородах, нарождающихся садах и виноградниках, за стенами укрепления. Их удивляло упорство полуголых, худых и измождённых людей, с которым они вгрызались в твёрдую, слежавшуюся сухую землю. Они её дробили кетменями, подводили чуть ли не к каждому кустику мутный ручёёк воды и почти не отдыхали. Амир-бек был удивлён этим не показушным, а непритворным упрямством людей. Когда вырастет этот сад? Он понятия не имел, сколько лет нужно прутнику, чтобы стать плодоносящим деревом, дающим урожай. Кто-то из этих людей не доживёт до того дня, когда кроны садов поднимутся выше человеческого роста.

В самой крепости возле каждого дома, кибитки, караван-сарая и чайханы торчали ростки винограда и судя по всему, урюка. Амир-бек видел, как ранним утром мальчишки лет девяти-десяти, кожаными вёдрами носят воду из арыка и поливают эти жалкие кустики. Кустов было много, но ни один из них мальчишки не пропускали. Все они были разной высоты, но выглядели хилыми и немоощными. Лишь десятнику было незаметно, что лоза растёт. Как-то он услышал хвастовство полуголого мальчишки:

— На моей лозе появился ещё листочек! — Недомерок весело смеялся. Ему-то какая от этих листков радость, это же не виноград? Неужели они помнят каждый вновь появившийся листик? Остальные мальчишки завистливо разглядывали лозу удачливого маленького мираба*. Они ещё быстрее забегали с вёдрами от арыка к своим торчащим прутикам. Что с этих ребятишек взять, ничего они не понимают по своей детской глупости!

Амир-бек помнил, что в Кок-сарае за всеми слугами нужен был глаз да глаз. Они работали лишь тогда, когда над ними стоял старший и понукал их. Иначе работники тут же усаживались в кружок и рассказывали надоевшие до одури сказки, сплели или засыпали, подстелив

под себя поясной платок. Здесь работали не только мужчины и женщины, здесь работали и дети лет с семи-восьми. В сумерках, по вечерам, они возвращались в свои кибитки, ели немудрящий ужин. А с заходом солнца в укреплении наступала тишина.

Часть воинов ежедневно, чуть свет, с пастухами и отарами овец, уходили в степь. С приближением сумерек отара возвращалась обратно. Амир-бек полюбопытствовал, для чего воины таскаются за отарами? На два дня пути никого в округе нет? Один из нукеров посмеялся над непонятливостью десятника.

— Почему ты думаешь, что даровое мясо никому не нужно? Ты просто не знаешь, отчего эти жатаки отправились вместе с нами в неизвестность и покинули родные места? Их же грабили чуть ли не каждый год! Именно так кочевники Джанибек-хана грабят Ташкент. Рядом с нами, в этой крепости они находятся под защитой нашего многоуважаемого султана. Да, они работают, но работают на себя. Мы у них ничего не отбираем. Да и отбирать-то пока нечего. Однако в степи много лихих людей. Жатаки сами обороняться не могут, дать отпор грабителям тоже не решаться. А мы тут как тут. Мы защищаем их самих и их богатство. Хотя половина отар принадлежит нашему султану.

— Он что, торгует овцами? — не приветливо спросил Умар.

— Ты что, совсем слабоголовый? Вот твой Мирза позвал нашего султана на помощь. А что мы в дороге есть станем? Или три месяца воздух кусать будем? Нам в дорогу нужно мясо, пшено, рис, мука, масло, а твой правитель подумал об этом? Человек каждый день кушает. Иначе до Самарканда доберутся лишь скелеты, у которых не будет сил поднять не только саблю, но и свою руку. — Пояснил молодой, хорошо одетый нукер. Амир-бек поморщился. Никогда его такие мелочи не занимали. Во время походов ставили котёл, а откуда бралось мясо и крупа, его это никогда не интересовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.